

В. Э. Вацуро

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЬБОМЫ В СОБРАНИИ ПУШКИНСКОГО ДОМА (1750—1840-е ГОДЫ)

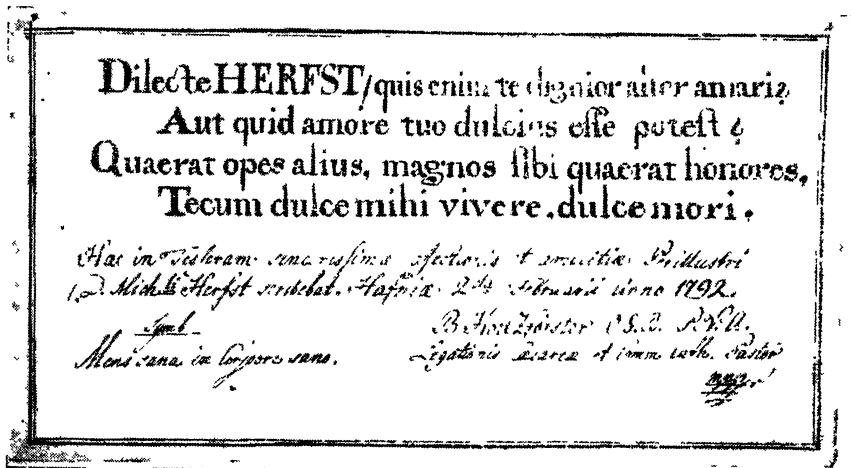
Домашний альбом как факт истории культуры и литературного быта издавна привлекал к себе внимание исследователей. В русской науке альбомы XVIII—XX вв., так или иначе вовлеченные в научный оборот, исчисляются десятками, если не сотнями. Учет и систематизация всего собранного материала — задача весьма трудоемкая, но в то же время и весьма существенная: до сих пор из него извлечено гораздо меньше, чем он может дать. Как правило, в поле зрения исследователей попадают лишь альбомные автографы и рисунки наиболее значительных деятелей литературы и искусства; между тем, помимо этого, альбомы включают многообразные сведения о литературных и общекультурных интересах общества в разных его слоях, данные генеалогического характера, сведения о культурной среде крупных литераторов и художников. Наконец, достойна специального изучения сама история и эволюция альбома на протяжении десятилетий и столетий.¹ В настоящем обзоре мы не ставили перед собой такую задачу, он содержит лишь предварительные материалы к ее будущему осуществлению. Мы стремились систематизировать сведения об альбомах одного значительного собрания и рассмотреть их в связи с общей эволюцией альбомных типов, прекрасно сознавая, что обзор наш далек даже от эмпирической полноты. Тем не менее мы решаемся предложить читателю этот опыт исторического обзора, надеясь, что впоследствии окажется возможным его дополнить и исправить.

¹ См.: Алексеев М. П. Из истории русских рукописных собраний. — Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.—Л., 1960, с. 8 и след. Здесь дана обширная библиография и намечены этапы эволюции русского альбома XIX в.

Наиболее ранние альбомы в собрании Рукописного отдела Пушкинского Дома относятся ко второй половине XVIII в. Это так называемые «штамбухи» (Stammbuch), распространенные в XVI—XVII вв., более всего в Германии, и имевшие некоторые канонические жанровые признаки: титульный лист с рисованным и раскрашенным гербом и с девизом и именем владельца; листы с записями, заполненные по традиционной форме — с изречением или цитатой (нередко латинской) или стихами собственного сочинения (сверху вдоль всего листа), с «Symbolum» — кратким девизом, датой и указанием места записи (внизу слева), с почитательной надписью и подписью писавшего, нередко с раскрытием профессии и общественного положения (внизу справа). Такие штамбухи часто брались в дорогу, и по записям можно проследить итнерарий владельца; они служили подчас и своего рода рекомендательным письмом. Два таких штамбуха принадлежат, по-видимому, одному лицу. Первый из них, с пометой «Stammbuch von Michiel Herfst. Frankfurt am Mayn. Den 1 Martius Anno 1758», дает очень широкий временной и географический диапазон: Копенгаген, Амстердам, Петербург, Яссы, Бухарест (1771—1775, 1800); записи в нем на немецком, французском, английском, голландском и русском языках (р. I, оп. 42, № 31). Второй (там же, № 35) не имеет владельческой подписи, но, судя по репертуару имен и географических помет, видимо, принадлежит тому же Михелю Херфсту. Альбом этот более поздний (на л. 4 дата: «1805»). К середине XVIII в. относятся и два других альбома, заполнявшиеся в Германии. Один, имеющий пометы «Breslau» и «Wienne» и даты 1756—1760, украшенный стихами, акварелями и миниатюрами, вероятно, принадлежал, судя по обилию записей врачей, фармацевтов и студентов-медиков, человеку, связанному с медицинским миром; записи сделаны по-латыни, по-немецки и по-французски (р. II, оп. 1, № 653). Второй относится к 1769—1773 гг.; записи — немецкие, латинские и французские — сделаны в Галле; в конце альбома дан алфавитный перечень писавших (р. I, оп. 42, № 29). Еще один немецкий штамбух датируется 1788—1827 гг. (там же, № 32). Наконец, черты этого типа мы встречаем в альбоме «Der Freundschaft» (1815—1843), преимущественно с немецкими записями, сделанными в Берлине, Вене, Петербурге, Вильне, Копенгагене (там же, № 33).

Названные альбомы наглядно показывают, как разрушается канонический тип штамбуха. Записи все чаще отходят от сложившегося стереотипа, приобретая более свободную форму. Второй штамбух Михеля Херфста не имеет рисованного титульного листа и даже имени владельца. В собрании Рукописного отдела хранится альбом 1774—1812 гг. (большинство записей относится к 1788—1789 гг.), принадлежавший неизвестному лицу немец-

кого происхождения (в русских записях его называют «Иван Иванович») и заполнявшийся в Петербурге, Кронштадте и Нарве. Он состоит из листов, вложенных в альбомную папку, и уже самой своей формой отличен от ранних штаббухов.² В нем появляются русские стихи; среди них — шутка, небезынтересная как образец сравнительно ранней дружеской альбомной записи и вместе с тем «домашней» непрофессиональной поэзии 1780-х годов: «Государь мой Иван Иванович. Нынешняя весна приятна б мне

Лист из штаббуха М. Херфста (записи 1792 г.). (ИРЛИ, р. I, оп. 42, № 31).

была, если б не был там, а здесь. В иных местах весна места уж оживляет, в Кронштадте помету прибавляет. По мнению моему, лутче б хлеб давать русскому пестрому кобелю, нежели швецкому королю; один сам себя вредит и другим наносит вред, другой двор от вора бережет. Июль 19 число. Корабль „Иануарий“. Ф. Веселаго» (л. 2 об., не сохраняем орфографию, довольно неустойчивую).

В 1790-е годы мы уже редко найдем штаббух в его «классическом» виде; зато к этому времени относятся наиболее ранние женские альбомы нашего собрания. Таков альбом Аннет Берг (Annette Bergh) из Петербурга, с записями родственниц и подруг и русскими стихами (1798—1800). Альбом, видимо, передавался из поколения в поколение: в конце его записи 1885 г. (р. I, оп. 42, № 72). Из альбомов иностранцев, живших в России в это время, отметим еще альбом Джемса Виллье (J. Wylie) с английскими стихами, в том числе и самого владельца, напо-

² ИРЛИ, Отдельные поступления, № 14761 (далее ссылки на этот фонд даются в тексте сокращенно: Отд. поступл., №).

минающий записную книжку (Отд. поступл., № 14657, 1791—1793 гг.).

До сих пор речь шла об альбомах, принадлежавших главным образом немецкой традиции. Один из наиболее ранних русских альбомов относится к 1793 г. Как и описанный нами альбом «Ивана Ивановича», он состоит из отдельных листков, заключенных в папку с надписью «Album». Принадлежал он Александре Николаевне Гасвицкой (урожд. Пушиной). Со свекром ее, П. А. Гасвицким, был дружен Г. Р. Державин, оставивший в альбоме автограф «Мадригала на маскарад 2 числа октября 1793 году, в котором несколько польских дам явились одетыми в виде амуров» (наклеен на л. 1). На л. 2 наклеен и другой его автограф — письмо к П. А. Гасвицкому от 10 июля 1801 г. Прочие записи менее значительны; их делали Н. Пущин (отец владелицы, записи 1799 г., в Цюрихе), друг его П. А. Прибыловский, родственники мужа. Этот семейный альбом заполнялся до 1872 г. (р. I, оп. 42, № 5).

Альбом Гасвицкой представляет особый интерес. Русские литературные альбомы конца XVIII в. редки, и это, видимо, объясняется не только случайными причинами. Тип такого альбома устанавливается сравнительно поздно, только в первое десятилетие XIX в., хотя узкий литературный кружок-салон с участием женщин, причастных к литературе, известен со времени херасковских «вечеров» и даже ранее. Так, М. А. Дьякова, будущая жена Н. А. Львова, собирала вокруг себя членов «львовско-державинского кружка». Нам неизвестны, однако, альбомные автографы ни М. Н. Муравьева, ни Львова, ни Хемницера; до нас не дошло никаких сведений об альбомах Дьяковой или Е. В. Херасковой. Даже альбом Н. М. Карамзина, известный в литературе,³ представляет собою совершенно особое жанровое образование, трудно сопоставимое с альбомами XIX в. Это не столько альбом, сколько записная книжка с выписками и собственными стихами, — такая же, как упомянутый выше альбом Вилье. Между штамбухами, к которым относятся в числе других знаменитый «Album amicorum» кн. Н. Б. Юсупова или альбом кн. А. М. Белосельского-Белозерского с автографами Вольтера и Бомарше,⁴ и альбомами, отражающими повседневный литературный быт, лежит период почти скрытой от нас эволюции. Почти нет сомнения, что она повторяет эволюцию западного альбома, и вряд ли случайно, что два литературных штамбуха, упомянутые нами, принадлежат деятелям, теснейшим образом связанным с западной культурой.

³ См.: Лыжин Н. Альбом Карамзина. — Летописи русской литературы и древностей, 1850, кн. 2, отд. 2, с. 161—192.

⁴ См.: Вережгаги В. А. Московский Аполлон. (Альбом кн. А. М. Белосельского-Белозерского). — Русский библиофил, 1916, № 1, с. 17—59; Прахов А. В. Происхождение художественных сокровищ кн. Юсуповых. — Художественные сокровища России, 1906, № 8—12, с. 173—174 и др.

Альбом Гасвицкой тоже содержит заграничные записи. Автограф Державина, наклеенный Гасвицкой на отдельный листок (а тем более его письмо), вероятно, был сохранен как раритет, а не предназначался специально для альбома. Как бы то ни было, самый тип альбома Гасвицкой представляет нам некую стадию первоначального складывания «альбомного жанра» XIX в. Предпосылкой его формирования является наличие определенной литературной или околотрудературной среды, которая группируется вокруг хозяина (хозяйки) альбома и оставляет на альбомных страницах след своего существования. Это «альбом» в точном смысле слова, в отличие от тетради рисунков или сборника выписок и стихотворений, сделанных одним лицом. Такие альбомы входят в моду в начале столетия и, кажется, не без противодействия. Так, граф Д. И. Хвостов вспоминал, что однофамилец его, известный автор сатирических стихов и член Российской Академии А. С. Хвостов, «большой гонитель был на альбомы, хотя сам оные неоднократно обогащал своими стихами».⁵ В 1810-е годы альбомы становятся уже широко распространенным явлением.

В собрании Пушкинского Дома есть несколько таких альбомов, выразительно рисующих «массовый сентиментализм», характерный для умонастроений русского общества 1810-х годов. Основная часть записей — мадригальные, романсно-элегические и анакреонтические стихи, моралистические изречения (частью стихотворные), прозаические выписки, нередко по-французски. В стихах, отобранных под определенным, соответствующим случаем, углом зрения, в рисунках, частью аллегорических, складывалась специфическая альбомная символика. В это время в русских альбомах устанавливаются стереотипы записей, типа приведенных Пушкиным в «Онегине» («Кто любит более тебя, Пусть пишет далее меня» — у нижнего обреза последней страницы, где дальнейшие записи невозможны), и стереотипы-символы, как засушенные и наклеенные на лист незабудки с надписью «всегда помнить». Устойчивые формулы характеризуют массовую альбомную культуру; их более всего в провинциальных альбомах, хотя их отнюдь не чуждаются и представительницы более образованных слоев. К числу подобных альбомов относятся: альбом Евдокии Лизогубовой (р. I, оп. 42, № 36, 1812—1814 гг.); альбом некоей «Лизы» со стихами Д. А. Остафьева, И. Пантусова и рисунками того же Остафьева и К. Шипилова (там же, № 19, 1811—1821 гг.; есть помета «Янево»); альбом из семьи Киги с записями С. Мосолова, Шиловского и др., частью малограмотными, по-русски и по-французски (Отд. поступл., № 14657, 1810—1819 гг.); альбом Лизы Борноволоковой с русскими и французскими стихами (р. I, оп. 42, № 74, 1813 г.; подписи: Gre-

⁵ Хвостов Д. И. Разные стихотворения... сочиненные после полного собрания, т. 5. СПб., 1827, с. 255, 298.

goire de Troubetsky, Hélène Troubetzky, Marie Scherbatoff, Tchaadaeff (не П. Я.) и др.; помета «Кострома»); альбом из семьи Нарышкиных с французскими записями (там же, № 76, 1817 г.). Добавим к ним еще два альбома Д. К. Благово — из той же среды московского потомственного дворянства, какой принадлежит и альбом Борноволоковой, — со стихами, парадами, выписками из Жуковского, Карамзина, В. Л. Пушкина, с рисунками, нотами, записями по-русски и по-французски (ф. 119, оп. 7, № 41, 1814 г. и б. д.), и петербургский альбом А. И. Блока, деда поэта, с записями на немецком, французском, русском, латинском языках (ф. 654, оп. 6, № 71, 1800—1811 гг.). В собрании Рукописного отдела есть и явно не дворянский альбом: он озаглавлен «Amor et Amicitiae» и, по-видимому, принадлежал девице из духовной среды (Отд. поступл., № 13873, 1813—1849 гг.). Альбом этот менял владельцев, и, быть может, не раз; целый ряд записей в нем сделан А. К. Васильевым, учившимся в Санктпетербургской духовной академии вместе с известными А. И. Маловым и Г. П. Павским и в 1814 г. занявшим в Новгороде профессорскую должность. На л. 12—13 об. этого альбома вычерчена таблица со списком выпускников 1-го курса академии и краткими сведениями о дальнейшей их судьбе.⁶ Уже по этим материалам очевидно, что альбом расширял свои функции: он и традиционный альбом, и записная и расчетная книжка, и сборник популярных стихов. Сюда вписаны «Черная шаль» (полуграмотным переписчиком), сентиментальные романсы и песенки, быть может частью сочиненные самим А. К. Васильевым (см. «Последний взгляд на родину», 1813 г., подпись «А. В. . . въ»).

На некоторые из перечисленных альбомов наложили отпечаток события 1812 г. в том патристически-лубочном освещении, которое придавала им официальная пропаганда «для народа». В альбоме Кигнов мы находим рисунок «Из облака Кутузов и Моро смотрят на героев» и ходившие в то время куплеты «За горами, за долами Бонапарте с плясунами Вздумал вровень стать». Альбом с записями А. К. Васильева включает сатиру «Наполеонов бостон» (1813 г., подпись «Я. П.»). Альбом «Лизы», более серьезный и «профессиональный», содержит стихотворение Д. А. Остафьева «Плач Россиянки» с вариациями на темы «Слова о полку Игореве», датированное 22 марта 1812 г. Этот последний альбом заслуживает внимания еще в одном отношении: он косвенно характеризует нижегородское «культурное гнездо» в период пребывания там московских беженцев — Карамзина, В. Л. Пушкина, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, И. М. Муравьева-Апостола и др. Д. А. Остафьев (1778—1846),

⁶ Среди этих выпускников значатся, между прочим, И. Я. Ветринский (будущий цензор), Д. Н. Туношенский (впоследствии учитель Н. А. Некрасова) и др.

помещик с. Инкино в Нижегородской губернии, записавший в альбом «Лизы» свои стихи, был связан с литературными кругами, как, по-видимому, и автор рисунков Кондратий Шипилов — участник войны, помещик Нижегородского и Курмышского уездов. Сохранился весьма интересный альбом, принадлежавший самому Остафьеву (ф. 244, оп. 1, № 1757, 1811—1813 гг.); в нем находятся автографы В. Л. Пушкина (басни «Ощипанный петух», «Японец», «Лев и его любимец», стихотворения «Завещание Киприды», «Год 1814-й» (на французском языке) и др.), послание «К Д. А. Остафьеву» будущего декабриста И. А. Анненкова, «Сельская элегия» А. Ф. Мерзлякова, «Песни Алевтины» и «Разлучились мы, голубушка, с тобой» В. С. Филимонова, автографы членов литературного кружка при Главном народном училище (позднее — нижегородской губернской гимназии) и около 40 рисунков — упомянутого уже К. Шипилова и художников арзамасской школы А. В. Ступина: И. Г. Озерского, И. М. Горбунова и др. Остафьев был соседом Пушкина по болдинскому имению, и 26 ноября 1830 г. Пушкин вписал в его альбом последние стихи Державина.⁷ Наконец, из той же среды вышел альбом Александра Петровича Новосильцова, «принадлежавший Пушкиным (Болдино)», как значится в тисненой надписи на переплете (ф. 244, оп. 21, № 9, 1812 г.), и содержавший рисунки и стихи того же Д. Остафьева, Алексея Бестужева («Мой вкус», «Два ручейка», «Ручеек», «Попугай»), В. Л. Пушкина («Люблю и не люблю», «Ученик-учитель», «Сычи») и др.

Заслуживает внимания и альбом, принадлежавший в поздние годы семейству Пальчиковых, с которым в свое время общался Пушкин (р. I, оп. 42, № 91, 1808—1821 гг.). Владелица его, Мария Александровна Струговщикова, была связана в 1808—1814 гг. с литературно-художественными кругами. Среди многочисленных записей родных, подруг и знакомых мы обнаруживаем здесь стихи и моралистические сентенции Г. В. Геракова (все от 28 ноября 1808 г.), иногда образующие своего рода тематические подборки; в свою очередь на них пишутся ответы. Так, на одном из листов находится его запись: «Дружба драгоценнее любви, потому что любовь не что иное, как тень утра, с каждым мгновением уменьшается; напротив, дружество подобно тени вечера: оно возрастает до самой смерти. Гавриил Гераков». Ниже заметки — слегка ироническая реплика: «Надобно быть очень испытанну, так, как вы, — чтоб согласиться с вами; но теперь еще не могу, и скажу:

Что может быть любви святее?
Она одна блаженство нам дарит,
В любви жизнь наша нам стократ милее;
Люби, коль хочешь жить! — все нам твердит.

⁷ См.: Исаев А. Г. Альбом Остафьева. — В кн.: Записки краеведов, [вып. 3]. Горький, 1977, с. 120—126.

Этот ответ, подписанный «Г. Ф. Т. 1809», принадлежит известному графу Ф. И. Толстому («Американцу»), чьи инициалы стоят и под двумя рисунками карандашом, с аллегорическим изображением амура; над одним — четверостишие:

Не махай, божок, крылами,
Перломи колчан свой новый:
Власть разить сердца стрелами
Отдана Струговщиковой.

Ал. Арг.

Автор стихов — несомненно Александр Васильевич Аргамаков, весьма заметный представитель «домашней поэзии», процветавшей в Преображенском полку, где вместе с ним служили С. Н. Марин и Ф. И. Толстой; Гераков тоже был связан с этим кружком. Аргамаков вписал в альбом еще три стихотворения мадригального характера и большое стихотворение «Москва», публикуемое ниже (см. с. 62). Все они подписаны «А. . .», «Arg. . .», «А. Argam. . .». Загадочным представляется появление в альбоме трех других стихотворений — «К Марье Александровне Струговщиковой», «Мальчик с розой», «Ода анакреонтическая» — с полной подписью «Александр Аргамаков», но несколько иным почерком. Как бы то ни было, имена в альбоме указывают на совершенно определенный литературный круг; с ним соприкасался, между прочим, и В. Л. Пушкин, записавший в альбом две басни — «Бабочка и Горлянка» и «Голубка».

Эти последние альбомы важны не только как образцы жанра, но и как историко-литературный материал: они принадлежат женщинам, очень близким к литературным кругам. К их числу относится и Варвара Александровна Бакунина (урожд. Муравьева), мать М. А. Бакунина и жена А. М. Бакунина, знакомого Карамзина и высокообразованного литератора-дилетанта. Альбом ее со стихами и рисунками (1806—1812) — самый ранний из альбомов будущего премухинского гнезда (ф. 16, оп. 6, № 55), о которых еще пойдет речь. Большая часть его заполнена рукой хозяйки. Она записывала французские стихи, главным образом романсы и образцы легкой поэзии. Среди мадригалов, обращенных к В. А. Бакуниной (частью принадлежавших А. М. Бакунину), и вписанных «русских стихов и песен» обращает на себя внимание песня «Не кручинься, добрый молодец» — одно из произведений Петра Колошина, поэта раннедекабристской «Священной артели».

Это альбомы литературные, но не литераторские. От деятелей литературы 1810-х годов сохранились альбомы Анны Петровны Буниной (ф. 88, № 16012, из архива Я. К. Грота, 1810—1826 гг.) и кн. Петра Ивановича Шаликова (Отд. поступл., № 4786, 1818—1828 гг.). Здесь представлены два крупнейших литературных объединения начала века — круг Шишкова и круг Карамзина.

А. П. Бунина, почетный член шишковской «Беседы», была связана и с группой московских поэтов, тяготевших к карамзинизму, — Б. К. Бланком, М. Н. Макаровым (их стихи находятся в альбоме). Альбом был начат, когда она только что начала печататься, затем, во время поездки в Англию, был прерван; последние записи (стихи П. Г. Сиянова) сделаны в Горячеводске 30 июля 1826 г., незадолго до смерти поэтессы. Второй альбом, П. И. Шаликова, вышел из ближайшего окружения Карамзина.

Альбом Буниной — типичный альбом литератора начала века. В нем нет или почти нет стандартных образов альбомной поэзии; рисунки профессиональны и не аллегоричны; записи, посвященные хозяйке, перерастают в обращенные к ней дружеские послания и не имеют подчеркнуто мадригального характера. На последних страницах (или первых, считая от конца альбома, который заполнялся и с обратной стороны) записи Г. Р. Державина и А. С. Шишкова, двух столпов «Беседы». Они важны как память о знакомстве с литературными авторитетами и как своего рода литературные образцы. Державин вписывает полумадригал-полуэпиграмму («Стихи твои приятны, звонки», 1810).⁸ Шишков записывает мадригальное послание и ряд моралистических сентенций в стихах. За ними следуют прозаические размышления самой Буниной на затронутые темы. Таким образом, альбом становится отражением творческой работы поэтессы.

В еще большей мере таковым является альбом П. И. Шаликова, одного из вождей позднего московского сентиментализма, уже вырождающегося в эпигонство по отношению к Карамзину. Здесь большинство записей сделано рукой самого владельца. Среди них многочисленные выписки из «Истории государства Российского» и стихов Карамзина, И. И. Дмитриева, П. А. Вяземского, В. Л. Пушкина; копии стихов Батюшкова, обращенных к Шаликову; афоризмы и сентенции из Лагарпа, Легуве, Наполеона, Вольтера и проч.; наконец, собственные стихи. Из своих стихов Шаликов делает сборник — собрание эпиграмм, надписей, мадригалов. Это «антология» в понимании XVIII в. Чужие автографы немногочисленны: это обращенные к хозяину стихи московских поэтов — В. Л. Пушкина, Н. Д. Иванчина-Писарева, А. А. Волкова, В. Головина и др.

Сентиментальные умонастроения отражает и петербургский альбом Екатерины Николаевны Хвостовой (ф. 323 (архив Н. Б. Хвостова), № 6013, 1820-е гг.). Основное место в нем принадлежит рисункам, иногда профессиональным, с военными сценами или аллегорическим. Литературный материал представлен здесь стихами В. И. Козлова («Любезной хозяйке альбома, в день ее рожденья, 6-го окт. 823», «Унылый певец. Баллада»),

⁸ См.: Грот К. Альбом Анны Петровны Буниной, — Русский архив, 1902, № 3, с. 500—506.

близкого к Шаликову и его кругу. В этом альбоме есть и автограф К. Н. Батюшкова «Явор к прохожему» с карандашной автоиллюстрацией к нему (л. 55).⁹

2

1820-е годы — период формирования литературных обществ. В Петербурге действуют Вольное общество любителей словесности, наук и художеств («Михайловское общество») и Вольное общество любителей российской словесности (общество «соревнователей», «ученая республика»). Эти общества не монолитны; в них обнаруживаются дополнительные центростремительные силы, приводящие к образованию внутри них более тесных кружков.

Жизнь обществ получила отражение на страницах альбомов, при этом от первого осталось больше альбомного материала. По-видимому, это не случайно. «Михайловское общество» жило в большей степени домашней, кружковой жизнью. Самый журнал А. Е. Измайлова «Благонамеренный» был связан с полудомашним-полулитературным салоном С. Д. Пономаревой, известным в литературе как «Общество любителей словесности и премудрости».

Альбом Екатерины Ивановны Измайловой, жены баснописца и руководителя общества, — типичный литературно-домашний альбом, озаглавленный А. Е. Измайловым «Concorde dans le mariage» («Согласие в браке») (Отд. поступл., № 4929). Основное место в этом альбоме, начинающемся с 1815 г., занимают шуточные стихи самого Измайлова, написанные преимущественно ко дню рождения супруги. Дружеские и литературные связи Измайловых по этому альбому определяются без труда: это П. А. Никольский, рано умерший соиздатель «Цветника» и участник «Санктпетербургского вестника», написавший владельце дружеское послание («Позволь альбом твой осквернить...», 1815), племянник Измайлова П. Л. Яковлев, вписавший сюда свое известное рассуждение об альбомах (14 июля 1820 г.), П. Спасский, М. Б. Даргомыжская, Я. Говоров. Наконец, до 1850-х годов здесь делали записи и рисунки дети и внуки Измайловых.

Два следующих альбома расширяют этот круг. Один из них принадлежит П. Л. Яковлеву и содержит, помимо рисунков и портретов работы самого владельца, записи А. Е. Измайлова, В. И. Панаева, Е. А. Баратынского, В. К. Кюхельбекера, Д. В. Давыдова, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и вклеенный автограф Пушкина (ф. 244, оп. 1, № 32). Владелицей второго альбома была Софья Дмитриевна Пономарева, уже упомянутая

⁹ Из семьи Хвостовых поступил в Пушкинский Дом также нотный альбом (не датирован; ф. 323 (архив Н. В. Хвостова), № 6012),

нами хозяйка одного из значительнейших петербургских литературных салонов этой поры, ближайшим образом связанного с кружком Измайлова. Посетителями этого салона были как «измайловцы», так и молодые лицейские поэты, приятели Яковлева, — А. А. Дельвиг, Кюхельбекер и близкие к ним Баратынский и П. А. Плетнев. Все эти имена мы встречаем в альбоме Пономаревой; в нем имеются автографы стихов Дельвига, Баратынского, А. Д. Илличевского; из старших поэтов — И. А. Крылова; из кружка «Благонамеренного» — А. Е. Измайлова, В. И. Панаева, О. М. Сомова и др. Несколько особняком стоит автограф К. Ф. Рылеева — единственный автограф очень существенного фрагмента из «Войнаровского» и вместе с тем единственное документальное подтверждение знакомства Рылеева с пономаревским салоном. Помимо всех этих автографов в альбоме есть несколько превосходных рисунков, еще требующих изучения. Это лишь один из двух сохранившихся альбомов, принадлежавших Пономаревой (Отд. поступл., № 9668; второй находится в ЦГАЛИ).

Оба названных альбома хорошо известны в научной литературе; почти все тексты, входящие в них, опубликованы.¹⁰ Менее привлекал к себе внимание альбом В. И. Панаева, известного идиаллика, одного из основных участников пономаревского салона, по преданию, бывшего предметом несчастной страсти и невольной причиной безвременной смерти Софьи Дмитриевны (р. I, оп. 42, № 21, 1816—1839 гг.). Большинство записей и рисунков в нем относится к 1817—1826 гг. и характеризует две среды, которым принадлежал владелец, — родственную (А. Ф. и П. И. Рындовские, Е. Лалаева) и литературную. В нем два больших послания, адресованных Панаеву как автору идилий, — М. В. Милонова (С.-Петербург, 24 октября 1818 г.) и А. С. Норова (3 июля 1821 г.; оба послания были потом напечатаны), а также послания А. Е. Измайлова (15 июля 1818 г.), Б. М. Федорова, Н. Ф. Остолопова, Н. А. Цертелева, небольшая стихотворная запись С. Д. Пономаревой.

К этому же кругу материалов примыкает целое собрание альбомов семьи Даргомыжских. Мать композитора Марья Борисовна, урожд. княжна Козловская (1788—1851), была связана тесными дружескими узами и с самим Измайловым, и с Н. Ф. Остолоповым и печатала свои стихи в «Благонамеренном» и альманахах измайловского кружка; и муж ее, С. Н. Даргомыжский (1789—1864), и старший сын Эраст (1811—1832) также изредка выступали в печати со стихами. Наиболее ран-

¹⁰ Об альбомах Пономаревой см.: Дризен Н. В. 1) Литературный салон 20-х годов. — Ежемесячные литературные приложения и «Нива», 1894, № 5, с. 2—26; 2) Тетушкин альбом. — Столица и усадьба, 1916, № 88, 18 октября, с. 10—12. Об альбоме П. Л. Яковлева см.: Молваева И. И., Павел Лукьянович Яковлев и его альбом. — Знамя, т. VI, М.—Л., 1926, с. 101—133.

ним документом литературного быта будущего семейного кружка является альбом С. Н. Даргомыжского, озаглавленный «Всячина. 1810» (ф. 296, № 4408), где есть, впрочем, записи и 1808—1809 гг. Наряду с выписками из русских и французских авторов (Карамзина, Ларошфуко, Буффлера, Ж.-Б. Руссо, Вольтера), нотными записями и рисунками (акварель, перо, карандаш) мы находим здесь в довольно большом количестве стихи самого С. Н. Даргомыжского и М. Б. Козловской, в ту пору его невесты. В поэтической переписке отражается их роман, закончившийся свадьбой в 1810 г. Четырьмя годами позднее в семье Даргомыжских появляется новый альбом: М. Б. Даргомыжская заводит его в год рождения дочери и открывает записью-обращением: «Дарю тебе альбом, моя Людмила, но для того, чтоб заставить тебя следовать во всем глупой моде, но для того, чтоб доказать тебе, сколько я с самого дня твоего рождения занималась тобою и обдумывала все, что может служить к пользе и удовольствию твоему, когда достигнешь ты тех лет, в которые будешь уметь постигать вещи и ценить любовь мою! Я желаю, чтоб не мода, но рассудок руководствовал тобою, друг мой, а потому не найдешь ты в сем памятнике ничего страстного, ничего романтического, ничего такого, что приятно в молодости, но пагубно на весь остаток жизни нашей! Здесь помещены правила честных людей, нравоучения опытных и дружеские советы матери» (л. 2). Когда владелице альбома исполняется год, 23 мая 1815 г., мать записывает ей стихотворение «Сегодня год как ты родилась, Людмила, друг души моей...»; на следующие листы она заносит правила поведения и моралистические сентенции, цитаты из Жанлис, Вольтера, Буало, Массильона, Бернардена де Сен-Пьера и т. д.

Альбом Людмилы Сергеевны Даргомыжской (1814—1836) (р. I, оп. 42, № 4) является ярким образцом функционального «педагогического» альбома; известно, что в своей литературной деятельности М. Б. Даргомыжская также нередко преследовала утилитарные, воспитательные цели. Однако подобный альбом вовсе не был явлением исключительным: укажем в качестве аналога, например, на альбом, подаренный в 1820 г. кн. Владимиром Голицыным Григорию Борисовичу Бланку, художнику, сыну московского поэта-сентименталиста, когда адресат был ребенком. Здесь мы также находим посвящение, дидактические стихи дарителя, и лишь много позднее, уже во второй половине века, альбом начинает заполняться обычными альбомными стихами и рисунками (р. I, оп. 42, № 6, 1820—1871 гг.). Нечто подобное происходит и с альбомом Л. С. Даргомыжской: с течением времени он теряет свой узко педагогический характер. В конце его кем-то из членов семьи вписана «Русская баллада» Дельвига («До рассвета поднявшись, извозчика взял...») — пародия на литературные отношения измайловского кружка, прямое отражение литературных интересов, которыми жило как старшее, так

и младшее поколение семейства Даргомыжских. Второй альбом Л. С. Даргомыжской, более поздний (ф. 296, № 4227, 1829—1830 гг.), велся ею накануне замужества и весь заполнен литературным материалом — стихами отца, брата Эраста, записями другого брата — А. С. Даргомыжского, выписками из современных и более ранних поэтов, преимущественно сатирического и эпиграмматического содержания. Здесь мы встречаем переписанные эпиграммы В. Л. Пушкина, Д. П. Глебова, А. Н. Нахимова, И. И. Дмитриева, В. И. Туманского, даже В. И. Майкова, «Солому» П. Межакова, «Тройку» Ф. Глинки. На л. 18 выписка из Пушкина — «На смерть стихотворца» («Покойник Клит в раю не будет»), ниже — строчки из эпиграммы Батюшкова на С. С. Боброва, шутливо примененные к самому Пушкину: «Как трудно Пушкину со славою ужиться, Он пьет (так!), чтобы писать, и пишет, чтоб напиться». Впрочем, в альбом вписываются и серьезные стихи Пушкина — «Ночной зефир», «Телега жизни». В этом альбоме есть также «Русская баллада» Дельвига и стихотворная сатира «Сборище поэтов», литературно очень слабая и незрелая, но любопытная как факт хорошо знакомого Даргомыжским литературного быта: в ней действуют Булгарин, Греч, Воейков, Измайлов и в особенности Б. М. Федоров, присяжный полемист «Благонамеренного», одно время коротко общавшийся со всем семейством и даже претендовавший на руку Людмилы Сергеевны.¹¹

Из той же литературной среды вышел весьма интересный альбом неизвестного происхождения (Отд. поступл., № 9665). Он состоит из акварельных шаржей; подписями к ним служат стихи, преимущественно Баратынского, который был обычным объектом полемических нападений «Благонамеренного». В некоторых случаях шаржи призваны иронически травестировать лирические ситуации, представляя собой как бы рисованные пародии на стихи Баратынского. Многие шаржи несомненно портретны. Один из них (воспроизводимый нами в настоящем издании) представляет собой групповую сцену, изображающую столкновение известного журналиста, издателя «Отечественных записок» П. П. Свиньина с Ф. В. Булгариным и, по-видимому, Н. И. Гречем; подписью к нему служит отрывок из басни А. Е. Измайлова «Лгун», направленной против Свиньина. В альбомном тексте отрывка — весьма симптоматичные разночтения с печатным текстом, показывающие хорошую осведомленность владельца альбома в закулисной литературной борьбе и, вероятно, восходящие к одной из допечатных авторских редакций: строки «Обманывал бы ты в Париже дураков, Не земляков» здесь читаются:

Обманывал бы ты в Париже дураков...
Не немцев и не поляков, —

¹¹ Об альбомах Даргомыжских см.: Пекелис М. Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение, т. I. М., 1966, с. 37, 91—94.

т. е. не Греча и не Булгарина. Стоит обратить внимание и на фонарь в руках Булгарина — это намек на сатирический раздел болгаринских «Литературных листков», в 1824 г. носивший название «Волшебный фонарь». На эту тему была написана басня Измайлова «Фаддей с фонарем». На следующих листах альбома мы находим карикатуры на Е. Ф. Ганина и Д. И. Хвостова — графоманов, бывших постоянной мишенью для издевок Измайлова. В этом общем контексте появление пародий на Баратынского становится совершенно понятным: они — отражение борьбы измайловского кружка против молодых «романтиков» из «союза поэтов» — Дельвига, Баратынского, Кюхельбекера. На л. 18 альбома появляются и изображение Дельвига и Кюхельбекера, лишь слегка шаржированные. Еще одна группа персонажей довершает общую картину: молодой фант, галантно изогнувшийся перед темноволосой красавицей, обращает к ней стихи «Счастлив, кто на тебя взирать украдкой смеет...». Это стихи В. И. Панаева, записанные им в альбом С. Д. Пономаревой; над головой красавицы записаны строчки Баратынского «Предаться нежному участию» и т. д., также адресованные Пономаревой. Автор карикатуры, конечно, знает о романе Пономаревой и Панаева; изображение и надписи не оставляют в этом сомнения. Итак, перед нами альбом, вышедший из самых недр измайловского кружка, отражающий и его интимный быт. Датируется он довольно точно — 1824 г. (25 сентября этого года Пономарева умерла).

К группе альбомных материалов, характеризующих петербургскую литературную жизнь первой половины 1820-х годов, следует отнести и альбом Анны Васильевны Лутковской,¹² хорошо известный исследователям Баратынского (ф. 103 (архив П. А. Ефремова), № 73, 1820—1827 гг.). Лутковская была племянницей командира Нейшлотского полка Г. В. Лутковского, начальника Баратынского и старого знакомого его семьи. Альбом Лутковской — довольно типичный провинциальный альбом, но записанные в нем стихи Баратынского («Младые Грации сплели тебе венки», «Мила как Грация, скромна Как Сандрильона», «Тебя ль изобразить и ты ль изобразима?», «Вы слишком многими любимы») возводят его в ранг литературных альбомов. В нем есть еще одно стихотворение профессионального поэта — Н. М. Коншина, сослуживца и подражателя Баратынского, обращенное к владелице (л. 6):

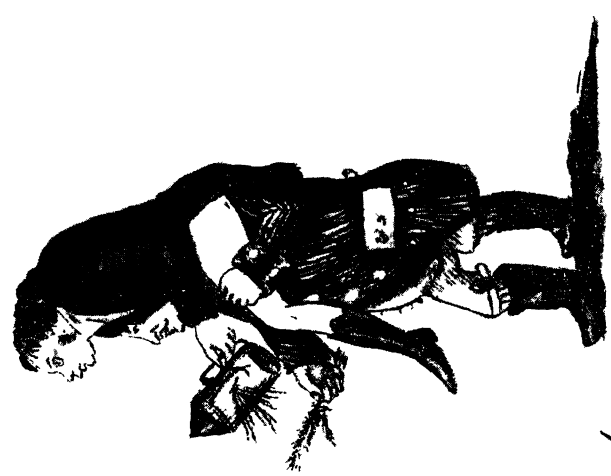
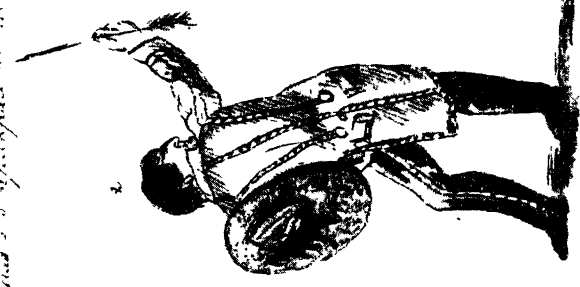
Умом, любезностью своей
Ты всех обворожать родилась;
Анета! где б ты ни явилась,
Всегда приобретешь друзей.

Николай Коншин.

Фридрихсгам.

¹² Краткое описание альбома Лутковской см.: Баратынский Е. А. Полн. собр. соч., т. II. Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. Пг., 1915, с. 276—277.

Милостивый! Не бойся, я силен!
Еще тебе сто ухаживать не умею!

Из П. и в. Булгарии! Какъ не любить
Дитя мое! Онъ былъ въ Пашинскомъ Чинарии.
Мой Пашинский чинарийский
Архипастырскъ и др. П. и. в. в. в.
Сидитъ, развѣ, Ми Хитъ, мистръ шав

Милости и радости
 что вы и ваши дети
 и дети ваши
 и дети ваши
 и дети ваши

Свободен отъ всякаго
 государственнаго
 Милости и радости
 и дети ваши
 и дети ваши
 и дети ваши
 и дети ваши
 и дети ваши
 и дети ваши

С. Д. Пономарева и В. П. Панас. Шарж. Акварель, 1824 г. (Альбом неизвестного. Отд. поступил, № 9065).

Остальные записи (преимущественно стихотворные) принадлежат подругам Лутковской и ее семейным знакомым и родным (Е. Лутковской, М. Воеводской, Наталье Аргуновой и др.).

Вернемся, однако, к альбомам Даргомыжских, которые хронологически далеко выходят за рамки рассматриваемого десяти-

В. К. Кюхельбекер и А. А. Дельвиг (правая часть листа оборвана). Акварель. 1824 г. (Альбом неизвестного. Отд. поступл., № 9665).

летия. Альбом Эрминии Сергеевны Даргомыжской, в замужестве Кашкаровой (1827—1860), младшей сестры композитора (р. I, оп. 42, № 13, 1838—1851 гг.), весь заполненный ее рукой, содержит преимущественно ее собственные стихи домашнего характера; среди них есть и шуточное стихотворение, обращенное к брату («К Александру»). Больше литературного материала включает в себе альбом другой сестры, Софьи Сергеевны (1815—1882), вышедшей в 1843 г. замуж за поэта и известного карикатуриста Николая Александровича Степанова (1807—1887). Большинство записей здесь сделано также самой владелицей

альбома в 1839—1840 гг. С. С. Даргомыжская составляла для себя своего рода изборник прозаических и стихотворных цитат (из псалмов Ф. Глинки, из Дельвига, Козлова и др.), подбирая их по единому эмоционально-тематическому признаку: все они проникнуты религиозной резиньацией, духом скорби или меланхолии. Ответом на эти настроения Даргомыжской было небольшое стихотворение, подписанное анаграммой и принадлежавшее Н. А. Степанову, будущему ее мужу: «Зачем и мыслить и хотеть От нас на небо улететь» (л. 22). Несомненно, Даргомыжской же посвящено и другое стихотворение Степанова — «Есть на земле чудесные создания» (март 1840 г., л. 40—41). В конце альбома (ф. 296, № 4226, 1839—1842 гг.) находятся «Сонет» В. С. Филимонова и стихи малозаметного поэта 1840-х годов Н. Линдфорса «Скала» (18 сентября 1842).

Два альбома представляют нам еще один петербургский полусемейный-полулитературный круг, также отчасти связанный с кругом «Благонамеренного», хотя и опосредствованно. Это альбомы родственников В. И. и И. И. Панаевых — Гамазовых и Лалаевых. Альбом Екатерины Матвеевны Лалаевой (ф. 68, оп. 2, № 4, 1811—1818 гг.) наряду с записями ближайшей родни содержит и посвященные стихи В. И. Панаева — «Все говорят, что ты любезна, хороша...» (6 ноября 1816 г.). Более чем двумя десятилетиями отделен от него альбом Матвея Авелевича Гамазова (ф. 68, оп. 1, № 43), начатый в 1838 г. В марте этого года М. А. Гамазов (1811—1893), в ту пору особенно активно выступавший как литератор, вписывает сюда стихотворение «Не на меня, клянусь владыкой мира...», несомненно интимного содержания. Через пятьдесят лет он возвращается к своему альбому, чтобы завершить его стихами «Погас! но вот другое сновиденье» (10 ноября 1888 г.), обращенными к тому же адресату. Кроме стихов самого Гамазова (отметим среди них большое и несомненно удачное «прощальное» стихотворение «Други, простите! звонят. Караван поднялся... Дайте руки», 1839 г., записанное на первых страницах альбома, по-видимому накануне отъезда на Восток) здесь есть записи членов семейства Лалаевых, М. Будагова, К. Шервашидзе и др., на русском, армянском, грузинском, французском, персидском, санскритском, греческом языках. На л. 20 находим след ранних литературных общений Гамазова — автограф стихотворения Н. А. Некрасова «Поэзия» с датой «4 марта 1839», вошедшего в первый сборник Некрасова «Мечты и звуки»; на л. 21 — рисунок, сделанный Айвазовским. Основное число записей относится к 1838—1840 гг.¹³

Значительно меньше образцов «альбомного материала» оставило второе петербургское общество — «соревнователи», «ученая

¹³ Об этом альбоме см.: Григорьян К. Н. Литературные опыты М. А. Гамазова. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, с. 365, 369; Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922, с. 119—120.

республика». Это отчасти объясняется тем, что жизнь его в гораздо меньшей степени проходила в интимном литературном салоне. Единственный альбом, который прямо отражает его литературный быт, — совершенно особого рода. Это альбом П. И. Кеппена (Отд. поступл., № 10102, 1819—1821 гг.), почти ничего общего не имеющий с альбомом салонным или дружеским и как бы предвосхищающий такие феномены, как альбом М. И. Семевского «Мои знакомые». Альбом ведется ученым-библиографом, и литераторы, записывающие в него поэтические и прозаические обращения к хозяину, оставляют при записях свои автобиографические данные: дату рождения, хронологию своего литературного пути. Мы найдем здесь сведения не только о Дельвиге, П. А. Плетневе или Ф. В. Булгарине, но и о менее заметных деятелях, как А. А. Никитин или А. Д. Боровков. Автографы свои здесь оставили С. Н. и Ф. Н. Глинка, Крылов, Евгений Болховитинов, Карамзин, Н. И. Гнедич, Н. И. Греч, Ф. П. Толстой (рисунок пером), В. А. Жуковский, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, А. Х. Востоков, В. Н. Каразин, А. С. Шишков и др. Альбом Кеппена — ценнейший библиографический источник по русской литературе начала 1820-х годов.¹⁴

Несколько альбомов из собрания Рукописного отдела косвенно связаны с литературной жизнью «ученой республики». Один из них (р. I, оп. 12, № 400, 1819—1829 гг.) принадлежал А. И. Кулибину (сыну механика И. П. Кулибина), печатавшему стихи в «Соревнователе» в 1819—1820 гг., товарищу Н. М. Языкова по Горному кадетскому корпусу. В этом альбоме мы встречаем послание к нему Языкова, раннее (1809) стихотворение В. Т. Нарезного, стихи знакомых ему по корпусу А. и Ф. Бальдауфов.¹⁵ Второй, с близким кругом имен, — альбом Амплия Николаевича Очкина, другого приятеля Языкова по корпусу (Отд. поступл., № 4902, 1819—1823 гг.). В нем обращенные к Очкину послания Языкова («Было время, мой приятель», 1821) и А. Кулибина («Послание» («Желаешь ты, чтоб я, певец безвестный»), 1819), стихи Д. С. Менъшенина, участника обоих петербургских литературных обществ, А. и Ф. Бальдауфов, куплеты А. Е. Измайлова на отъезд его в Тверь, первая строфа которых представляет собою автограф, и др.¹⁶

¹⁴ Об альбомах Кеппена, один из которых (описанный нами) находится ныне в собрании Пушкинского Дома, см.: Уманов-Каплуновский В. Описание старинных альбомов академика П. И. Кеппена. — Столица и усадьба, 1915, № 48, с. 11—12. Ср.: Базанов В. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 216—217.

¹⁵ См.: Буш В. Из альбома А. И. Кулибина. — Русский библиофил, 1915, № 4, с. 79—82.

¹⁶ См.: Русский библиофил, 1916, № 1, с. 92. Отметим также альбом, принадлежащий кому-то из семьи Дуропов (ф. 341, оп. 2, № 431). Он не является альбомом в собственном смысле, это скорее сборник стихов А. Е. Измайлова, Крылова, Воейкова («Дом сумасшедших»), Батюшкова («Певец в Беседе любителей русского слова») и др. Небезынтересно ано-

Некоторый дополнительный материал дают автографы поэтов «ученой республики» в альбомах, не имеющих отношения к деятельности общества. Так, в альбоме Юлии Миклашевской (в замужестве Фишер) находится несколько записей В. И. Туманского; одно стихотворение, «К Юлии» («Амур стоит пред ним — идти не хочет прочь», 1819), было в печати им же переадресовано «Е. В. Кочубеевой»; другое (по-видимому, неизданное) записано на вложенном листке за полной подписью Туманского:

К Юлии

Кузину милую любя,
Я написать хотел было посланье.
О Юлия! вообразив тебя,
Поэт забудет все — и лиру, и себя
И память о тебе в нем гасит дарованье.

Альбом Миклашевской¹⁷ (р. I, оп. 42, № 75, 1815—1826 гг.) заполнялся главным образом на Украине (Киев, Ярославец и т. д.) и дает материал для изучения украинского культурного гнезда. Этой же среде принадлежат альбом В. А. Муравьевой (урожд. Горяиновой) — жены декабриста А. З. Муравьева, содержащий копию пушкинского «Демона», портрет-миниатюру Е. Ф. Муравьевой, стихи А. Г. Родзянки и др. (р. I, оп. 17, № 459, 1820-е гг.; сохранилось только 4 листа), и весьма интересный альбом Варвары Николаевны Кочубей (урожд. Бахмановой), жены В. В. Кочубея (Отд. постуш., № 14314, 1811—1823 гг.). Здесь среди французских стихов и пожеланий, вписанных подругами и родными, мы находим снова автограф Туманского — стихотворение «В. Н. Кочубей» («В сей книге дружеских имен...», 1822), подписанное «В» (л. 100—100 об.), стихи Державина («Хотел бы похвалить, но чем начать, не знаю...», «Зевес быкам дал роги...», л. 51 об.—52 об.) и два стихотворения А. Г. Родзянки 1823 г. («Альбом красавицам есть список послужной» и «Романс» («Не расточай умильных взоров...»), л. 3, 4; оба они принадлежат к числу лучших у этого поэта).

Наконец, нам следует упомянуть об альбоме кн. Н. С. Голицына (1796—1833), друга и поклонника П. А. Катенина. Этот альбом (ф. 244, оп. 8, № 30, 1810—1830-е гг.) заполнен собственными стихами Голицына и сделанными им выписками из Пушкина, Крылова, А. А. Жандра, А. И. Чепегова и особенно П. А. Катенина; исключением является автограф стихов И. И. Смирнова, обращенных к владельцу, Альбом велся и по-

нимное («доставленное А. Ш.») стихотворение «Череп», близкое к аналогичным стихотворениям Баратынского и Бестужева). Александр и Андрей Христиановичи Дуропы были довольно активными участниками «ученой республики» в начале ее существования.

¹⁷ О Ю. М. Миклашевской-Фишер см.: Туманский В. И. Стихотворения и письма, СПб., 1912 (по указателю); Кочубей А. В. Записки, Семейная хроника, СПб., 1890, с. 215—216.

сле смерти Голицына в 1833 г.: в него вписаны первое «Фило-софическое письмо» П. Я. Чаадаева и «Смерть поэта» Лермонтова. Альбом Голицына — по-видимому, единственный, дошедший до нас из недр «катенинского кружка».¹⁸

Концом 1810-х—началом 1820-х годов датируются еще несколько альбомов, имеющих значение главным образом как факт массовой альбомной культуры. Из их числа выделяется, пожалуй, только один, владельцем которого традиционно считалась М. М. Лермонтова, мать поэта (ф. 524, оп. 1, № 21, 1816 г.). От него осталось только девять листов, вложенных в красный сафьяновый переплет. Большая часть записей сделана рукою М. М. Лермонтовой; Ю. П. Лермонтовым, отцом поэта, записано одно стихотворение (дата: «Кропотово, 1816»).¹⁹ Как показывает новейшее исследование, владельцем этого альбома следует считать не М. М. Лермонтову, а одну из сестер Ю. П. Лермонтова.

К тому же времени относятся: альбом неизвестного лица с французскими и русскими стихами, денежными расчетами и проч. (р. I, оп. 42, № 34, 1809—1810 гг.); альбом Екатерины Федоровны Ренне (ум. 1831), бывшей замужем за калужским помещиком П. А. Племянниковым, с русскими и французскими записями друзей и подруг (А. П. и М. Шафратов, А. Челищевой, Е. Ельчаниновой, Г. Басаргиной, Т. Сумароковой и др.), с дилетантскими стихами, рисунками и альбомными символическими виньетками (там же, № 24, 1814—1818 гг.); альбом неизвестной девицы по имени Федосья («Théodosie») с рисунками акварелью, карандашом и тушью и записями стихов на русском, французском и английском языках (там же, № 87, 1815—1820 гг.); наконец, альбом барона Рингтона с записями 1817—1820 и 1888—1890 гг. по-французски, по-польски и по-русски — Е. Бегичевой, А. и Н. Ланских и др. (там же, № 52).

3

На протяжении 1810—1830-х годов русский альбом претерпевает довольно заметную эволюцию. Основные вехи и направление этой эволюции кратко, но очень точно намечены в уже упо-

¹⁸ См. его описание: Модзалевский Б. Л. Заметка. По поводу письма Пушкина к князю Вяземскому от 28 марта 1820 г. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, с. 71—84. По тексту этого альбома Б. Л. Модзалевский опубликовал стихотворение Катенина «Сравнения», не учтенное в существующих библиографиях и собраниях стихотворений.

¹⁹ См.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома, т. 2. М. Ю. Лермонтов. М.—Л., 1953, с. 169—170 (№ 342). Ср.: Савдомирская В. В. Альбом с рисунками Лермонтова (Лермонтов и М. А. Шан-Гирей). — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979, с. 137—138.

минавшемся очерке М. П. Алексеева «Из истории русских рукописных собраний».²⁰ Дружеский интимный альбом 1810-х годов с течением времени уступает место «публичному» альбому, коллекции автографов знаменитых людей; из «памятника дружбы» он превращается в свидетельство широты культурного кругозора владельца. Именно к 1820—1830-м годам относятся стихотворные инвективы против парадных альбомов.

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь, —

писал Пушкин в альбом И. В. Сленину, развертывая вслед за тем хорошо известную по «Онегину» сравнительную характеристику альбома «блистательной дамы» и «уездной барышни». «Альбом походит на кладбище», — записывает Баратынский на страницах альбома К. К. Яниш (1829), — и эта формула становится особенно популярной, варьируясь в многочисленных переделках и подражаниях. «Модный альбом» был симптомом времени, когда осведомленность в русской литературе и знакомство с русскими литераторами стали моментом престижным. Еще в начале 1820-х годов, издавая «Полярную звезду», Бестужев должен был беспокоиться о том, чтобы приохотить к русской поэзии и прозе светского читателя. Теперь литературные запросы стали обязательным элементом светского воспитания и иной раз вызвали у писателей обратную реакцию:

Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает,
И дрожь, и злость меня берет...

(«Евгений Онегин»)

Вместе с тем распространение «светских альбомов» было не только явлением моды. В 1820—1830-е годы меняются формы литературного быта. Литература выходит за пределы домашнего кружка и интимного дружеского общества; утверждается в правах светский литературный салон. В начале десятилетия даже общество Пономаревой не было салоном в том смысле, в каком это слово применимо, например, к обществу А. О. Смирновой, Карамзиных или даже В. Ф. Одоевского: оно было более тесным, замкнутым и менее «этикетным». Конечно, различия эти не следует абсолютизировать: в салонах также существовали тесные родственные и дружеские связи, и сами салоны были далеко не однородны. Речь идет о некоторой тенденции, которая определила, между прочим, и многие особенности литературных альбомов 1820—1830-х годов.

²⁰ Алексеев М. П. Из истории русских рукописных собраний, с. 8—16.

Альбомы А. А. Протасовой-Воейковой — «Светланы» Жуковского (1795—1829) дают нам представление о жизни петербургского литературного кружка, уже перерождающегося в салон. Из этих альбомов до нас дошли не все. Уже Н. В. Соловьев, автор подробного жизнеописания Воейковой и тщательный собиратель оставшихся после нее материалов, пользовался выписками из несохранившихся альбомов «Светланы». Соловьеву было известно девять альбомов Воейковой, в том числе два ранних, из собрания Н. А. Бреверн де ла Гарди; кроме того, он упоминал и о других, находившихся во владении гр. М. А. де ла Гарди и А. Ф. Онегина. Основная часть литературного материала, содержащегося в этих альбомах (некоторые из них ныне находятся в собрании Пушкинского Дома), была опубликована в историко-литературных журналах и в монографии Соловьева.²¹

Альбом из собрания Бреверн де ла Гарди (р. I, оп. 42, № 73; 1809—1812 гг.) с записями М. П. Офросимовой, М. Н. Свечиной, А. П. Киреевской, Е. Юшковой содержит также автографы В. А. Жуковского, опубликованные в 1902 г. Второй альбом (там же, № 2, 1814—1815 гг.) является как бы его продолжением. Здесь представлен не только родственный и дружеский, но и литературный круг Жуковского. Среди оригинальных отметим стихи А. Ф. Воейкова, в том числе «Гост Жуковскому» («Ура! сегодня твой возврат...», 26 января 1814 г.), «Стихи на смерть А. В. Громацкого» С. М. Соковнина и др. В этом альбоме находим также записи Жуковского и выписки из Вяземского, Батюшкова и др. Третий альбом (ф. 217, № 27810, 1815—1829 гг.) почти весь заполнен рукой А. А. Воейковой — выписками, записями дневникового характера, копиями писем Жуковского. При нем сохранились и подлинные письма Жуковского в особом, приложенном к альбому, конверте. Все эти альбомы характеризуют настроения маленького кружка в кризисный момент его существования (во время неудачного сватовства Жуковского к М. А. Протасовой и появления в семье А. Ф. Воейкова). Альбом 1814—1815 гг. содержит поздравительные записи новобрачным: А. А. Протасова только что вышла замуж за Воейкова. Последние записи помечены Дерптом, где поселилась новая семья. Четвертый альбом (ф. 236, № 22727, 1815—1819 гг.) начинается дерптскими записями — стихотворением Е. А. Протасовой, обращенным к дочери. Здесь расширяется круг литературных имен: Воейкова попадает в орбиту «Арзамаса». На л. 8 об.—9 рукой А. П. Елагиной вписаны стихи Пушкина

²¹ Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана». Т. I. Пг., 1915, с. 11. Во втором томе (Пг., 1916, с. 106—162, 169—172) есть специальный раздел «Альбом Светланы». Кроме того, альбомный материал широко используется в самом изложении. См. также: Русская старина, 1902, № 4, с. 189—192; Русский архив, 1912, № 3, с. 409—418; Hofmann M. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. Notice, catalogue et extraits de quelques manuscrits. Paris, 1926, p. 69.

«Когда младым воображеньем» — первая редакция стихотворения «Жуковскому» («Когда к мечтательному миру», 1818), именно та, которая вызвала восторг Жуковского и Вяземского. Помимо этого, весьма интересного для исследователей текста²² мы находим в альбоме автографы Жуковского («Имя где для тебя?»), И. И. Козлова («Когда над сонною рекой...») и др.

К этим альбомам примыкает альбом А. П. Зонтаг (близкой приятельницы Жуковского), относящийся приблизительно к тому же времени (1814 г.), с русскими, французскими и немецкими стихами. Русские стихи принадлежат главным образом Жуковскому. Большая часть их переписана рукою самой Зонтаг; на первом листе запись стихотворения (с датой: «1814, 3-го марта при первом отъезде из Муратова») сделана самим Жуковским (ф. 588 (архив Н. А. Бреверн де ла Гарди), № 9625).

История собственно воейковского салона отражена в следующих четырех альбомах, которые велись уже после замужества А. А. Протасовой и переезда семьи в Петербург. Один из них (ф. 236 (архив А. А. Воейковой), № 22729, 1822—1825 гг.) заполнен рисунками и немногочисленными записями самой Воейковой; на л. 14—15 А. П. Керн переписывает отрывок из «Онегина» (сцена Татьяны с няней), далее (л. 18 об.—19) обширную запись делает Д. Н. Блудов. На последней странице (л. 27 об.) автограф Жуковского — отрывок из «Лалла-Рук» («Ах не с нами обитает Гений чистой красоты...»), с несколькими словами комплиментарного посвящения и датой «1825. Декабря 29». Второй альбом (ф. 236, № 22730, 1824—1826 гг.) содержит только рисунки: акварельные и карандашные портреты В. А. Пе-

²² Эта редакция стихотворения была впервые сообщена Жуковским Вяземскому в письме от 17 апреля 1818 г. и в 1821 г. (уже в отсутствие Пушкина) напечатана в «Сыне отечества» под названием «К Ж***. По прочтении изданных им книжек Для немногих» и с двумя небольшими разночтениями в стихах 4 и 15. Копия Елагиной, очень ранняя и авторитетная, без сомнения, сделана до появления печатного текста: в ней нет названия и принята «промежуточная» редакция стиха 15, который Пушкину не давался сразу и переделывался: «Ревнивых милостью твоей» (в печатном тексте — «своей»), в письме Жуковского — «Ревнивой милостью твоей»). Стих 4 в копии, напротив, совпадает с печатной редакцией. Почти нет сомнения, что копия Елагиной сделана до появления печатного текста, восходит непосредственно к Жуковскому и отражает правку — авторскую или редакторскую. В пользу такого предположения говорит и хронология альбома: все датированные записи в нем сделаны не позже 1819 г. В копии есть еще одно разночтение со всеми известными редакциями: стих 38 читается здесь «И благородными слезами» (вместо «благодарными»). Здесь можно заподозрить довольно обычную ошибку копирования графически близких слов, но не исключается и авторский или редакторский вариант, так как в тексте в этом месте тавтология: «И благодарными слезами Карамзину приносит он Живой души благодаренье». См.: Пушкин. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., Изд АН СССР, 1947, с. 535—536; т. II. М.—Л., 1949, с. 1035. Копия Елагиной не учтена в академическом издании Пушкина и должна быть введена в число источников текста.

ровского, Е. И. Мойер (ребенком), А. Ф. Левашова, А. Ф. Эссена; пейзажные зарисовки, сделанные Воейковой; наконец, вклеенные офорты с рисунков Жуковского, выполненных во время его заграничного путешествия. Того же типа и третий альбом (там же, № 22731), также с рисунками Воейковой и Жуковского, с портретами Воейковой, К. К. Зейдлица, Н. М. Языкова. Здесь же несколько переписанных английских стихотворений, в том числе Байрона. Рисунки большей частью вклеены и принадлежат разному времени (от 1812 до 1839 г.). Альбом продолжали вести и после смерти Воейковой.

Самый значительный из всего собрания — альбом 1821—1826 гг. (ф. 236, № 22728), из которого Н. В. Соловьев почерпнул едва ли не основную и наиболее ценную часть своей публикации. В этот двойной альбом, заполнявшийся с двух сторон, «Светлана» делала выписки из сочинений западноевропейских и русских писателей, а поэты, посещавшие ее салон, оставляли здесь свои автографы. Записи Воейковой нередко имеют дату, что превращает выписки в своеобразный дневник, отражающий духовную жизнь и интеллектуальные интересы хозяйки. Мы находим здесь выписки из Жанлис, Шатобриана, Делиля, Деборд-Вальмор, Леонара, Боссюэ, Лагарпа, Ж.-Ж. Руссо. Круг имен расширяется — он включает и тех авторов, которые все более начинали входить в обиход русской романтической литературы, — Гете, Байрона, Т. Мура, Тика, Гофмана («Элексиры сатаны»). Записи делаются по-французски, по-немецки и по-итальянски (Данте). Из русских авторов Воейкова обращается к стихам Жуковского — именно он определяет духовную и интеллектуальную ориентацию салона, он руководит чтением «Светланы», и потому альбом имеет особое значение для биографа Жуковского. Эпизоды его внутренней биографии и даже творческой деятельности то и дело обрисовываются на страницах альбома — то прямо, то косвенно. На л. 111 под датой-названием «9 марта 1823» Жуковский вписывает свои известные стихи «Ты предо мною стояла тихо...», посвященные памяти только что скончавшейся М. А. Мойер. Под ними рукой Воейковой записаны стихи «Ты все жива в душе моей! Нет, не покинула ты землю...».²³ На обороте листа карандашный рисунок — несомненно, изображение М. А. Мойер в ее последние месяцы. Внутренняя связь между этими записями и зарисовкой обнаруживается без труда. Равным образом связаны друг с другом, хотя уже более опосредствованно, обширная выписка Воейковой из «Лалла-Рук» Т. Мура (во французском переводе) и стихотворение Жуковского «Лалла-Рук», полный текст которого вписан рукой автора на следующем листе (л. 13). Альбом Воейковой как бы обозначает для нас ту атмосферу, в которой проходит творческая деятельность Жу-

²³ См. их в комментарии Ц. Вольпе в кн.: Жуковский В. А. Стихотворения, т. II. Л., 1940 (Б-ка поэта, Большая серия), с. 533—534.

ковского. В этом альбоме есть еще несколько его автографов: «Ночь» («Уже утомившийся день...»), «Воспоминание» («О милых спутниках...»; при стихотворении обширный прозаический фрагмент, вошедший затем в статью «Воспоминание») и др.

Воейкова вписывает в свой альбом и литературные новинки: стихи К. Н. Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов» (переписаны ею из альбома С. Н. Карамзиной) и «Ты знаешь, что изрек»,²⁴ стихи И. И. Козлова, а также Пушкина — «Мой демон», 4-е «Подражание Корану», «Русалка», «Элегия» («Мой друг, я истощил бесплодное старанье...»). Ей хотелось иметь пушкинский автограф, однако сам Пушкин относился к ее желанию сдержанно и упрекал брата, читавшего Воейковой его новые стихи. Памятью об этих чтениях остались в альбоме «Птичка» и отрывок из «Цыган» Пушкина, вписанные рукой Л. С. Пушкина. Что же касается ближайшего пушкинского круга, то свидетельством его тесного общения с воейковским салоном-кружком являются в альбоме автограф Дельвига — «Земной удел» и переписанный рукой Языкова «Сонет» («Мы пьем в любви отраду сладкую...») Баратынского (последняя запись была ошибочно сочтена Н. В. Соловьевым за автограф самого Баратынского). Рукой А. А. Воейковой вписаны стихотворение Баратынского «К звезде» и его письмо к А. И. Тургеневу от 9 мая 1825 г., где он сообщает о своем «освобождении».

Самым обширным и ценным комплексом автографов в альбоме Воейковой являются, однако, стихи Языкова 1823—1825 гг. — около трех десятков стихотворений, иногда с авторскими примечаниями. По этому источнику стихи были напечатаны Н. В. Соловьевым; в дальнейшем к нему неоднократно обращались редакторы изданий стихов Языкова.

В собрании Пушкинского Дома находятся еще два альбома из бумаг Воейковых, заполнявшиеся уже после смерти Александровны и принадлежавшие, по-видимому, ее дочерям. Один из них (ф. 236, № 22732, 1825—1842 гг.) был начат еще при жизни Воейковой, но отражает в целом литературные вкусы конца 1830—начала 1840-х годов. В нем преобладают английские записи — выписки из Байрона, Шекспира, Т. Мура, Вордсворта; из французских авторов появляется имя О. Барбье. Помета над выпиской на л. 27 отчасти намечает круг дружеских связей владелицы: «De l'album de Marie Dorochoff»; «Marie Dorochoff» — жена известного в биографии Пушкина и Лермонтова Руфина Дорохова, урожденная Плещеева, связанная с Жуковским давней семейной дружбой. В альбоме есть русские стихи: «Отчизна» А. С. Хомякова, «Признание» Е. П. Гребенки. Весьма

²⁴ К этим стихам сделано примечание: «Стихи Батюшкова, написанные в Фафеле 1824 года» (л. 88 об.). При решении довольно сложного вопроса о датировке этого стихотворения свидетельство альбома Воейковой должно быть принято во внимание.

интересно появление на л. 27 списка стихотворения А. И. Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы». К сожалению, записаны только начальные строки, после чего копия обрывается. Список имеет название «Орлы. (Князя Одоевского)», более нигде не встречающееся, и важен как свидетельство раннего распространения этих стихов вместе с именем ссыльного автора. Последний альбом (ф. 524, оп. 2, № 58) содержит французские (Ламартин и др.), английские и итальянские (сонет Филикайя) стихи, копию «Валерика» Лермонтова и списки ранней редакции стихотворения Языкова «Когда умру» и его же «Прощальной песни», с нотами к ней. В альбоме даты: 1832 и 1833; но он заполнялся и позже, вплоть до начала 1840-х годов.

Кружок Воейковой прекратил свое существование со смертью хозяйки. В 1830-е годы одним из центров петербургской культурной жизни оказался салон Карамзиных. Он также вырастает из кружка — полупрофессионального-полулитературного, начало которого восходит ко времени собраний у Н. М. Карамзина «арзамасцев» в 1816 г. Сближение семейства с двором расширяет круг связей. В 1820-е годы хозяйками салона помимо вдовы историографа, Екатерины Андреевны, становятся и его дочери — Софья Николаевна (1802—1856) и Екатерина Николаевна (1806—1876). В гостиной Карамзиных собираются и прежние друзья историографа, и новые знакомые — товарищи его сыновей. Салон втягивает самые разнообразные слои дворянского столичного общества — литераторов, офицеров гвардии, дипломатов. Современники отмечали интеллектуальный характер собраний у Карамзиных, но, с другой стороны, и «великосветскую» его ориентацию. Так смотрел на них, например, И. И. Панаев.²⁵

От этого очень заметного и неоднократно описанного литературного салона осталось немного альбомного материала; весьма ценные альбомы Е. Н. и С. Н. Карамзиных, где находились автографы стихов Пушкина и Лермонтова, до нас не дошли.²⁶ В собрании Пушкинского Дома хранится очень поздний альбом, лишь в малой степени отражающий интересы карамзинского кружка: он был подарен в 1873 г. княгине А. Голицыной (урожд. Карамзиной) Надеждой Антоновной Поповой, воспитательницей ее тетки — кн. Александры Владимировны Голицыной (р. I, оп. 42, № 61). Заполнялся он на протяжении семидесяти с лишним лет (1846—1921); в нем есть копии стихов В. А. Соллогуба, русских романсов середины века, статьи Л. Н. Толстого «В чем счастье?», карандашные рисунки кн. С. Ф. Голицына (мужа владелицы,

²⁵ См.: Измайлов Н. В. Пушкин и семейство Карамзиных. — В кн.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960, с. 11—48; Майский Ф. Ф. М. Ю. Лермонтов и Карамзины. — В кн.: Михаил Юрьевич Лермонтов. Статьи и материалы. Ставрополь, 1960, с. 123—164.

²⁶ Они были известны Б. Л. Модзалевскому, см.: Модзалевский Б. Л. Из альбомной старины. — Русский библиофил, 1916, № 6, с. 66—83.

1886 г.), А. А. Карамзиной и др., а также семейные фотографии. Последние записи сделаны в Казани и Самаре в начале 1920-х годов. В альбоме мы находим шуточные стихи, подписанные «Князь» С. Голицын (1846) — это известный С. Г. Голицын («Фирс»), остролов и поэт-дилетант, близкий к кругу Карамзиных, А. О. Смирновой и Виельгорских.

Атмосфера салона Карамзиных воссоздается отчасти хорошо известным альбомом Александры Осиповны Смирновой-Россет (1809—1882) (ф. 244, оп. 1, № 180, 1832—1840 гг.).²⁷ Этот альбом был подарен Смирновой Пушкиным в 1832 г.; на первых страницах поэт вписал название для альбома — «Исторические записки А. О. С.***» и свои стихи — «В тревоге пестрой и бесплодной». В конце 1832 — январе 1833 г., в канун заграничной поездки Смирновой, в альбоме появляются стихи П. А. Плетнева («Другая предо мной дорога», 1832) и П. А. Вяземского («На Музу и меня напали Вы врасплох», 1833). В 1830-е годы Смирнова дружна с Карамзинными и имеет общий с ними круг знакомств; в конце 1830-х — начале 1840-х годов, после возвращения из-за границы, она сближается с Лермонтовым, который записывает в альбоме обращенное к ней послание («А. О. Смирновой», 1840), с Е. П. Ростопчиной (ср. здесь же ее стихи «Воспоминанье издалека»), И. П. Мятлевым и другими постоянными посетителями Карамзиных. У Смирновой был и собственный салон. Она была связана и с литераторами, редко бывавшими у Карамзиных, — с Плетневым, Гоголем, и ее альбом, по ее собственным воспоминаниям, постоянно лежавший на столике и открытый для постоянных посетителей, оказывался своеобразной летописью литературно-дружеских отношений. Как и альбомы Карамзиных, он не был альбомом «блистательной дамы» — именно в силу тесного общения Смирновой с литературным Петербургом. Стихи, помещенные в нем, писались о хозяйке и для хозяйки и при всей этикетности формы сохраняли дружески-интимный характер кружковой поэзии. Достоин внимания, что стихи не всегда предназначались для публикации; если Вяземский напечатал свое послание (в «Новоселье» на 1833 г.), то, например, стихи Пушкина и, по-видимому, Лермонтова были отданы в печать самой Смирновой. В этой среде процветают шутка, пародийный мадригал, кружковая «галиматья», подобная той, которую посвящал Смирновой И. П. Мятлев и которую Лермонтов вписывает в альбом самого Мятлева (до нас не дошедший).

Сохранились и другие альбомы посетителей карамзинского салона, но они лишь в небольшой степени отражают жизнь кружка. Таков альбом Антонины Дмитриевны Блудовой (1813—

²⁷ См.: Модзалевский Б. Л. Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XII. СПб., 1909, с. 24—25. Ср.: Рукон Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 658—659.

1891), дочери Д. Н. Блудова, близкого еще к самому Карамзину. В этом альбоме (ф. 524, оп. 1, № 51, 1838—1853 гг.) есть лермонтовские карандашные рисунки. Альбом Блудовой небезынтересен для изучения эволюции литературных вкусов и даже общественных настроений определенной части русского аристократического общества, но к истории салона имеет лишь косвенное отношение. Почти весь он заполнен рукой самой Блудовой и представляет собой сборник выписок из прочитанного по-английски, по-немецки, по-французски и по-русски. У Блудовой были специальные интересы в области английской литературы: среди читанных ею авторов Т. де Квинси, Вордсворт, Кольридж, Байрон, В. Ирвинг, Бульвер-Литтон; из французской литературы наряду с Вольтером, Монтенем, Фенелоном, Сталь писатели новейшей романтической школы: Гюго, Ж. Жанен, А. Карр; по-немецки она читает Жан-Поля. В 1850—1851 гг. в альбоме Блудовой появляются сербские стихи — следствие ее крепнущего интереса к славянской проблеме, сказывающегося между прочим и в отборе русских стихов: едва ли не преобладающее место среди них занимают стихи А. С. Хомякова, И. С. Аксакова, позднего Ф. И. Тютчева. Впрочем, круг авторов, внесенных в альбом, довольно широк: Пушкин (в том числе выписки из статьи «Александр Радищев» и «Друзьям»), Лермонтов («В минуту жизни трудную» и «Тучки» («Тучи») с датой: «1-го мая 1840» (л. 32—32 об.); запись сделана почти сразу после написания и чтения стихов у Карамзиных), Жуковский, Вяземский (в том числе две копии послания «Графу Д. Н. Блудову», 1851), Ростопчина, Баратынский, В. Г. Бенедиктов, А. И. Подолинский, П. П. Ершов, К. К. Павлова и др.

К тому же карамзинскому кругу мы можем отнести альбом Марии Арсеньевны Бартеневой (1816—1870), сестры известной певицы, недавно обнаруженный и проанализированный И. Л. Андрониковым²⁸ (ф. 524, оп. 1, № 54, 1839—1841 гг.), с автографами Лермонтова («Любовь мертвеца» и «Есть речи — значенье»), П. А. Вяземского («Молись», 1839), Е. П. Ростопчиной, А. Н. Карамзина, записями членов императорской семьи, фрейлин (Александры Александровны Воейковой, дочери А. Ф. Воейкова и «Светланы», Е. Ф. Тизенгаузен, С. А. Бобринской) и др.

4

По мере того как кружок превращался в салон, альбомы все более приобретали светский и даже великосветский характер. Они меняли свой внешний облик, содержание и функцию. Решающее значение приобретала автографичность записи; вся совокупность

²⁸ Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 445—472 (глава «Неизвестная нам Мария»).

их переставала быть документом внутренней жизни кружка и превращалась в коллекцию. Автографы иной раз вклеивались на страницу, так как изначально не предназначались для альбома. Среди вклеенных автографов встречались не имеющие отношения к владельцу альбома и сохраняемые как раритет. В подробно описанном Б. Л. Модзалевским альбоме Анны Евграфовны Шиповой,²⁹ урожд. Комаровской (1806—1872) (ф. 244, оп. 1, № 104), находятся автографы А. В. Суворова, Г. Р. Державина, Бернардена де Сен-Пьера, письма И. И. Дмитриева, Карамзина, Д. В. Давыдова, Гнедича, Вяземского, Хомякова, Балзака, Шатобриана, адресованные разным лицам (многие из архива М. Н. Загоскина). Все это необычно для альбома предшествующих десятилетий. Сюда записывают свои стихи В. Гюго, К. Бонжур, А. де Виньи, К. Делавинь, Ш. Нодье, признанные и восходящие знаменитости современной французской литературы. Мы имеем дело с целенаправленным собирательством. Один В. А. Жуковский адресует стихи хозяйке («Я свет не часто посещаю», 1825); автограф «Элегии» Н. М. Языкова («Мне ль позабыть огонь и живость», 1830) добыт и вклеен; другая его элегия («Толпа ли девочек, крикливая, живая», 1839) сохранилась в альбоме в копии Голяя. Ф. Н. Глинка прямо раскрывает назначение своей записи: «Милостивой государыне А. Е. Шиповой, — на ее желание иметь мой отограф» (вклеен лист со стихотворением). В этот альбом Пушкин вписал «Музу», которую несколько ранее переписал и в альбом Н. Д. Иванчина-Писарева.³⁰ Стихи были уже опубликованы, но в светских альбомах автокопирование было обычным явлением.

Подобного рода светский альбом, характеризующий главным образом круг внешних культурных связей владельца, значительно увеличивал свою ценность, если круг этот был достаточно широк, например охватывал и литературно-художественные сферы Западной Европы. Таким был, например, альбом кн. Марии Аркадьевны Голицыной (урожд. княжны Италийской, гр. Суворовой-Рымникской, 1802—1870) (ф. 244, оп. 1, № 57, 1818—1840 гг.), где наряду с особами современных ей и прежних царствующих домов (императрицей Марией Федоровной, наследником, будущим Александром II, вел. кн. Ольгой Николаевной, экс-королевами Испании, Вестфалии, Неаполя — сестрами и дальними родственницами Наполеона) оставили свои автографы Шатобриан (письмо 1830 г.), В. Скотт (письмо), С. Пеллико (письмо 1838 г.), Ф. Купер, Б. Констан. На л. 12 и 13 находятся автографы адресованных Голицыной стихов Пушкина («Давно об ней

²⁹ Модзалевский Б. Л. Альбом А. Е. Шиповой, рожд. гр. Комаровской. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XI. СПб., 1909, с. 79—94.

³⁰ См.: Рукою Пушкина, с. 649—650, 653—654.

воспоминанье», 1823) и И. И. Козлова («Ее сиятельству княгине М. А. Голицыной...», 1824).³¹

Великолепное собрание русских автографов содержит альбом Зинаиды Ивановны Юсуповой, урожд. Нарышкиной (1809—1893), жены кн. Б. Н. Юсупова, бывшей во втором браке за графом Карлом де Шово, маркизом де Серр и долго жившей за границей (ф. 524, оп. 1, № 50, 1830—1879 гг.). Своему положению она обязана наличием в альбоме писем и телеграмм царствующих особ (имп. Александры Федоровны, Александра II), автографов выдающихся западноевропейских писателей (А. Дюма), артистов (А. Тамбурини, Э. Тамберлик, А. Бозио) и композиторов (С. Тальберг, 1839 г.; Г. Берлиоз, А. Вьеган, 1847 г.; Ф. Лист, 1842 г.). На л. 88 мы находим рисунок К. П. Брюллова (Милан, 1838). Некоторое число автографов ею собрано и наклеено на страницы альбома: ранняя редакция «Сосны» Лермонтова (л. 16), «Еще как патриарх не древен я» Баратынского (л. 39), вырезанная подпись из письма А. А. Бестужева, писанного с Кавказа в 1836 г., и даже несколько строк Гете. Другие стихи, также не имеющие прямого отношения к хозяйке, вписаны в альбом самими авторами; в числе их стихи Ростовчиной, французские и русские («Любить и знать», с датой: «Петербург, 29 января 1841 г.»), басня «Ручей» И. А. Крылова (1838), шуточные стихи Жуковского «Какое сходство и какая разница между Быком и Розою?» (с подписью «Бык» и датой: «1 Août 1830. Soirée au cottage»), «Киев» И. И. Козлова (копия, подпись-автограф), «Любить. Молиться. Петь» Вяземского (с датой: «СПб., 14 мая 1838»). В то же время в альбоме Юсуповой есть довольно много стихов, посвященных или прямо обращенных к ней: французское четверостишие П. де Баранта, «Костыль» Вяземского и «Княгинин костылек» Мятлева, имеющие в виду один и тот же эпизод из жизни Юсуповой, «Роза» и «Руаньями» В. А. Соллогуба (дага: «Алушка, 22 сентября 1852»), стихи Б. М. Федорова — «Легенда» (1873), «Три цветка» и послание «Восторгом мысль моя согрета». По-видимому, к Юсуповой обращена и французская запись Жуковского на л. 72. Вяземский приветствует ее шуточно-интимным четверостишием (л. 33), свидетельствующим о светской корот-

Фортуна чрез меня Вам башмаки подносит,
И, надевая их, Вам вспомнить случай есть
О том, который сам Вас и фортуны просит
У Ваших ног ему дать жизнь свою провесть.

6 мая 1838.

Наконец, к альбомам-коллекциям принадлежит и известный еще в XIX в. альбом Каролины Собаньской. Ю. Крашевский, рассматривавший его в 1840-е годы, упоминал о «целых письмах»

³¹ Ряд материалов альбома Голицыной опубликован в кн.: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков... (см. по указателю).

Шатобриана, Питта, Веллингтона, Лафатера, Мицкевича, Дельфины Ге, Крюденер; к этим именам нужно добавить Б. Констанана, г-жу де Сталь и др. (ф. 244, оп. 1, № 1588). «Стихотворение Пушкина специально написано», — замечал Крашевский, — очевидно, уже тогда автографическое посвящение в альбомах такого типа воспринималось как раритет. Сама Собаньская сочла необходимым специально удостоверить записью, что стихи Пушкина посвящены ей. Это — хорошо изученный сейчас автограф стихотворения «Что в имени тебе моем?».³²

Перечисленные нами альбомы-коллекции имеют одну любопытную историкокультурную особенность. Они возникают в эпоху расцвета великосветского салона, и салонный их характер обнаруживается уже хотя бы в том, что дистанция между автором записи и ее адресатом увеличилась: альбом грозил превратиться в памятную книгу почетных посетителей. Но этого мало. Будучи порождением салонной культуры, альбом не всегда являлся порождением салона; так, например, салона как постоянно функционирующего неформализованного объединения не было ни у Голицыной, ни у Шиповой. Анализируя альбом Смирновой, мы с большой степенью вероятности устанавливаем, что все лица, оставившие записи, встречались и были знакомы между собой; по альбомам же Шиповой и Голицыной этого сказать нельзя. В этом разница между салонным альбомом и альбомом коллекционера.

Конечно, мы лишь в единичных случаях найдем эти типы в чистом виде. Альбом Юсуповой — яркий образец «смешения» жанров; М. А. Голицына наряду с автографами царствующих особ вклеивает в свой альбом очень ранние (1818 г.) посвященные ей стихи некоего Ксанфия Попова; в альбом Шиповой записывает свое посвящение Жуковский. Альбом Александра Сергеевича Даргомыжского (Отд. поступл., № 10046, 1841—1858 гг.), собиравшего вокруг себя профессиональный кружок, также имеет типичные признаки светского альбома. Это альбом парадный, собрание автографов знаменитостей литературно-художественного мира. Здесь находятся автографы литераторов — Крылова (басня «Чиж и Голубь», запись 20 февраля 1841 г.), Жуковского, Ростопчиной, Загоскина, Кукольника, Вяземского («На людской стороне», апрель 1847),³³ В. Гюго; записи композиторов и артистов — Глинки, Ф. Листа, Дж. Мейербера, Г. Берлиоза, Г. Доницетти, А. А. Алябьева, А. Н. Верстовского, А. Галеви, С. Монюшко, Ант. Контского, П. Виардо, А. М., В. А. и П. А. Каратыгиных, М. С. Щепкина, Ф. Эльслер, М. Тальони и др.; ри-

³² См.: Базилевич В. Автограф «Что в имени тебе моем?». — Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 876—879.

³³ Опубликовано по этому автографу в кн.: XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884, с. 207 (в собрание сочинений Вяземского не попало).

сунки К. П. Брюллова, И. К. Айвазовского, Н. И. Уткина. Этот альбом хорошо известен исследователям творчества композитора.

Альбом-коллекция — как бы конечный этап эволюции традиционного «памятного альбома». Полярной противоположностью ему является альбом-сборник, где сохраняются не автографы, а тексты. В 1830-е годы появляются роскошно оформленные светские альбомы с каллиграфическими писарскими копиями популярных стихов. Они сохраняют связь с альбомной традицией лишь постольку, поскольку в них иногда встречаются автографы известных деятелей культуры, но большая часть их должна быть отнесена к «рукописным сборникам» в собственном смысле слова.³⁴ Таков альбом княжны Софьи Александровны Урусовой (1806—1889), с 1833 г. княгини Радзивилл (ф. 244, оп. 8, № 106, 1826—1850 гг.), с переписанными ранними стихами Пушкина, отрывками из «Онегина» и «Цыган», скопированными из альманахов и журналов стихами Вяземского, Баратынского и др. На л. 29 этого альбома Вяземский вписал сокращенный текст «Нояляски» (19 мая 1826). К тому же типу тяготеет альбом княгини Елизаветы Павловны Салтыковой, урожд. гр. Строгановой (р. I, оп. 42, № 81, 1840-е гг.), с копиями стихов Мятлева, «Моей родословной» Пушкина, последних стихов Державина и др. В обоих альбомах есть, впрочем, и семейные записи. Откровенно парадный, подносный характер носит более поздний альбом, подаренный М. С. Щепкиным Э. Рашели (ф. 244, оп. 5, № 43, 1854 г.), с портретами самого Щепкина и Пушкина, видом Большого театра и переписанным и украшенным акварельными заставками текстом «Скупого рыцаря» Пушкина. Укажем еще на заграничный альбом имп. Александры Федоровны (р. I, оп. 42, № 64, 1854 г.) с автографами членов императорской семьи, а также П. А. Вяземского, В. Ф. Вяземской, В. Бартеневой и др. Сюда также каллиграфически вписаны стихи Вяземского «На берегу Лемана» (Веве, 1854 г.; копия, подпись-автограф), «6-го декабря» (копия, подпись-автограф), «Мы в стороне чужой, но сердце наше дома» (Веве, 25 декабря 1854 г.; автограф).

Несколько альбомов занимают по типу промежуточное положение между парадным, светским и семейно-кружковым: это альбом женщин или девушек из интеллигентной дворянской среды, затронутых литературными интересами и связанными с литераторами узами более или менее близкого знакомства. Таков, например, альбом Александры Александровны Альбрехт, урожд. Углицкой (1822—1862), троюродной сестры Лермонтова (Отд. поступл., № 10047, 1835—1853 гг.),³⁵ куда Лермонтов вписал свое

³⁴ См., например, подобные сборники в собрании Пушкинского Дома: альбом стихов, переписанных для графини Н. В. Девьер в 1820 г., «когда они с восторгом читались публикою» (ф. 244, оп. 4, № 174); альбом с нотами и текстами романсов, составленный для себя гр. Екатериной Петровной Риччи (Луниной) (р. I, оп. 42, № 66), и др.

³⁵ См.: Радуга. Пб., 1922, с. 111—125.

шуточное посвящение «Ma chère Alexandrine» (1840 или 1841; в настоящее время оно выделено из альбома в фонд Лермонтова). Эта черновая карандашная запись контрастирует с подчеркнuto парадным характером альбома в целом: известные поэты каллиграфически вписывают сюда свои стихи, симметрично располагая тексты на страницах. Некоторые стихи уже были до этого опубликованы, как отрывок из стихотворения «К женщине» В. Г. Бенедиктова. И. И. Панаев записывает под своим именем стихи не только напечатанные, но и чужие — перевод К. С. Аксакова из Гете («Тишина на море», 1835). Углицкой пишут Е. Бернет («Красавице»), Н. В. Кукольник («Мы с вами — незнакомые знакомцы...»), Е. А. Вердеревский («Желанья», 1847); В. А. Соллогуб посвящает ей альбомный мадригал («Скажите правду, неужели...», 1847) в форме дружеского послания, а престарелый В. И. Панаев — одно из последних своих стихотворений («Я — поклонник красоты...», 1853).

Более интимный характер носит альбом княжны Анны Давыдовны Абамелек (1814—1889), в 1835 г. вышедшей замуж за И. А. Баратынского, брата поэта (ф. 244, оп. 1, № 181, 1831—1848 гг.). Основная часть записей в альбоме относится к 1832—1835 г. и сделана в Петербурге, в Москве и во времяграничного путешествия. Круг литературных знакомств Абамелек шире, нежели у Углицкой; в поздние годы она сама занималась литературой, переводя на французский и английский языки стихи крупнейших русских поэтов, от Пушкина и Лермонтова до Некрасова и Тютчева. Самая ранняя запись в альбоме принадлежит В. П. Шемiotу, поэту, связанному с кругом Дельвига и печатавшемуся в «Северных цветах» и «Литературной газете»; это — мадригал «К портрету кн. Ан. Д. Абамелек» (л. 6):

Твой образ жил давно в мечтах поэта,
Он в нем нашел знакомые черты;
Как идеал небесной красоты,
Ты им, княжна, давно была воспета!

*Прага. 1831-го года.
Декабрь» 9/21.*

В 1832 г. Абамелек была фрейлиной и находилась в Петербурге. В альбоме мы находим текст известного обращенного к ней стихотворения И. И. Козлова «Княжне Абамелек», с автографической подписью слепого поэта и датой «6-е марта». 9 апреля 1832 г. Пушкин вписывает в ее альбом стихи «Кн. А. Д. Абамелек» (л. 19 об.). В том же 1832 г. она уезжает за границу. Может быть, к этому времени относится прощальная запись ей А. Д. Илличевского, помеченная: «Пароход. Июля 2-го дня. Алопеус». Запись эта любопытна: она начинается переписанными стихами Пушкина «Бог помочь вам, друзья мои», которые Илличевский, видимо, рассматривает как поэтическое напутствие. Под ними он записывает собственный мадригал:

Прощаясь, просите вы памяти от нас,
Как будто позабыли сами,
Что, кто минутоу пробыл с вами,
Уже без памяти от вас.

Следующие по времени записи сделаны уже за границей: в Дрездене (русские стихи «Под портретом княжны Абамелек», 9/21 ноября 1832), в Париже, в Карлсбаде (1834) — по-английски, по-немецки и по-французски. В Париже Абамелек встрети-лась с Я. Н. Толстым, который также вписал ей в альбом стихи «К портрету княжны Абамелек» (29 мая 1833). В 1833 г. она приезжала в Россию — на л. 76 альбома записаны стихи С. Е. Раича, датированные «13 марта 1833 года. Москва»:

Недаром поэты дивятся Авроре,
Когда, отверзая восток золотой,
Она с восхищеньем в пленительном взоре
Приходит порадовать землю красой.

Недаром тебе, одноземка Авроры,
Дивятся поэты, дивимся и мы:
Красою твоею пленяются взоры,
А чувством и разумом светлым — умы.

По-видимому, за границей в 1834 г. с Абамелек встретился Вяземский, записавший свои стихи к ней («Любезной родины прекрасное светило») уже в Петербурге. Среди стихов, написан-ных после возвращения Абамелек, в 1835 г., в Царском Селе, мы находим и стихи А. Н. Муравьева. 15 мая 1835 г. он заносит в ее альбом своего «Паломника» («Я принял крест, я посох взял»), делая к нему обширную французскую приписку, а затем адресует ей довольно большое мадригальное стихотворение «Сбы-лись живые сновиденья...».

Последний альбом, который условно можно отнести к рас-сматриваемой нами группе, очень поздний: он заполнялся в Па-риже, Вене и Москве в 1872—1873 гг., но имеет значение прежде всего как источник по истории литературы первой половины XIX в. По форме это типичный светский альбом, с титульным листом под старинную миниатюру, на пергаменте, с рисован-ными буквицами, украшенный киноварью и золотом. Владелица имела аристократические знакомства: в альбоме — имена кн. Ел. Голицыной, гр. Воронцовой-Дашковой, В. Бобринской, Куракиных, О. Долгоруковой, М. и С. Шуваловых, Горчаковых; записи в нем на английском, французском и русском языках. Из литераторов мы встречаем здесь С. Д. Полторацкого, А. Сир-кур, В. Мицкевича. Владелицей этого альбома (р. I, оп. 42, № 11) была Екатерина Владимировна Коробина, одна из наследниц М. И. Муравьева-Апостола. Этим обстоятельством объясняется появление в нем целого раздела «Декабристы»: на л. 27—34 М. И. Муравьев-Апостол вписывает своей рукой ряд стихотворе-ний, созданных декабристами на каторге и в ссылке, снабжая

их краткими сведениями об авторах. Некоторые из этих текстов сохранились только в альбоме Коробьиной и были по нему опубликованы. Раздел начинается двумя баснями П. С. Бобрлицева-Пушкина — «Дитя и пятнушко» и «Брага»; затем идут эпитафия В. Л. Давыдова на Николая I («Он добродетель страх любил...»), известная также под названием «Николосор», стихотворение А. И. Одоевского «Был край, слезам и скорби посвященный. (Кн. М. Н. Волконской)», французские стихи В. Л. Давыдова «Napoléon, par un élève de Victor Hugo, dédié à Иван Дмитриевич Якушкин. Петровский завод за Байкалом. 1837 год» (это стихотворение осталось неизвестным исследователям литературного наследия В. Л. Давыдова³⁶); после этого следуют песня «Что не ветер шумит во сыром бору» Н. А. Бестужева и «Le Comité de 1826» Ф. Ф. Вадковского. Альбом Коробьиной — явление уникальное, едва ли мы назовем еще один, содержащий столь же значительное собрание декабристских стихов периода каторги и ссылки и притом в авторитетных копиях, идущих непосредственно из декабристской среды.

В светских альбомах, отражающих литературную жизнь 1820—1830-х годов, сосредоточена едва ли не наибольшая часть альбомной лирики, которая приобрела в это время устойчивые и даже канонические черты. Подобно другим записям, она «дистанцирована», т. е. избегает непосредственной лирической эмоции, и в этом смысле несет в себе нечто от ритуальных форм поведения в светском обществе. Она функциональна, так как должна содержать явную или скрытую похвалу хозяйке альбома, и потому круг сюжетов этой лирики по неизбежности ограничен. Все эти ограничения должны компенсироваться самой формой стихотворения, и в альбомной лирике начинают оживать формальные особенности традиционной «легкой» поэзии: словесные и семантические каламбуры, примеры которых мы видели, например, в альбомных экспромтах Илличевского, «кончетти», пуантированные концовки, галантные уподобления. В этой лирике живут как бы две тенденции: стремление сохранить канон мадригала и одновременно преодолеть его, чтобы обновить уже остывающий жанр. Оба эти разнонаправленные устремления очевидны, например, в альбомном посвящении В. А. Соллогуба А. А. Углицкой, которое мы приводим в разделе публикаций образцов этой поэзии. Стихи начинаются выпадом против альбомных стихов вообще, которые похожи друг на друга и веют холодом даже у «лучших поэтов». Эта инвектива оказывается «ложным тезисом», потому что Соллогуб пишет именно альбомное стихотворение; тезис преодолевается мадригальной концовкой:

Но как вас потчевать стихами,
Когда ведь знаете вы сами,
Что вы — поэзия сама.

³⁶ См.: Дымшиц А. Л. Сатирические стихотворения В. Л. Давыдова. — Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 284—286.

Тем не менее этот жанр продолжал еще некоторое время свое существование и, мало того, оказал известное воздействие даже на классические образцы русской лирики.

5

Светский альбом и альбом салона были не единственными типами альбома, получившего распространение в 1820—1830-е годы. Уже на примере альбома Даргомыжского мы можем видеть, как при сохранении парадной формы светского альбома меняется существо отраженных в нем социальных связей. Как и альбом Щепкина, это — «профессиональный» альбом; за ним стоят иные отношения, нежели отношения простого светского знакомства или дружеского литературного кружка.

К подобным профессиональным альбомам можно условно отнести альбом Юрия Никитича Бартенева (1792—1866), подробно описанный Б. Л. Модзалевским³⁷ (ф. 244, оп. 1, № 124), с автографами «Мадонны» Пушкина и стихов А. А. Башуцкого, В. Г. Бенедиктова, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, А. И. Готовцевой, Ю. В. Жадовской, А. М. Зилова, В. И. Карлгофа, Ф. А. Кони, Н. В. Кукольника, М. А. Максимовича, И. П. Мятлева, А. И. Подолинского, Я. П. Полонского, Е. П. Ростопчиной, В. Г. Теплякова, А. В. Тимофеева, Н. Ф. Щербины, Н. М. Языкова и др., а также с автографом «Русского Пиранези» В. Ф. Одоевского, записями Н. А. Полевого; наконец, с вписанными товарищем Лермонтова А. Закревским лермонтовскими стихами. Уже самый диапазон имен и хронологические рамки альбома (1830—1860-е гг.) говорят о широте литературных связей владельца. В самом деле, Бартенев был связан лично со всеми, кто оставил след в его альбоме, и пользовался довольно большой популярностью в литературных кругах Москвы на протяжении нескольких десятилетий.

В собрании Пушкинского Дома почти отсутствуют альбомы профессиональных литераторов за 1830-е годы. Мы располагаем лишь отдельными листами из чрезвычайно ценного альбома Николая Андреевича Маркевича (1804—1860), куда он начиная с пансионского времени вклеивал автографы знакомых литераторов. В своих записках Маркевич вспоминал, что в альбоме находились стихи Пушкина (эти автографы сохранились) и Кюхельбекера.³⁸ Дошедшие до нас листы содержат автографы Баратынского («Старательно мы наблюдаем свет»), А. М. Жемчужникова (отрывок из баллады «Старушка в просонках», 1859), П. А. Корсакова («Н. А. Маркевичу», 1840), Е. П. Ростопчиной

³⁷ Модзалевский Б. Л. Альбом Юрия Никитича Бартенева. — Изв. ОРЯС, 1910, т. XV, кн. 4, с. 200—221.

³⁸ См.: Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 510, 512.

(«Как автор, как поэт», 1840), И. М. Скоропадского, Е. Судовникова, записи Г. Раковича, А. Гудим-Левковича и др. (ф. 488, № 70—76, 1829—1859 гг.). К этому альбому близок по типу известный и подробно описанный альбом Н. Д. Иванчина-Писарева (ф. 244, оп. 1, № 909, 1820—1830-е гг.) с автографами Пушкина («Муза», 1828), И. И. Дмитриева, Карамзина, Жуковского, В. Л. Пушкина, Вяземского, Баратынского, Гнедича, кн. З. А. Волконской, А. И. Тургенева и др.³⁹

«Литераторским» является альбом поэтессы Елизаветы Никитичны Шаховой (1822—1899) (Отд. поступл., № 3570, 1838—начало 1860-х гг.), но данный случай особый, это семейный альбом шестнадцатилетней девушки, рано начавшей выступать в печати, который как бы перерастает в профессиональный альбом. На первом листе его находим запись матери, К. Е. Шаховой, и других родных, в том числе и стихотворные посвящения (стихи А. Шаховой «Радость и Грусть», 1838; «Призыв к девице-поэту. (Моей Лизе)», 1839); они перемежаются стихотворениями профессиональных поэтов — А. Мейснера («Когда над ярым водопадом», 1839; «Я вас не знал; но в мире вдохновенья», 1839), Л. А. Якубовича («Е. Н. Шаховой»), В. Г. Бенедиктова («Елизавете Никитичне Шаховой», «Молитва»).

Профессиональные альбомы артистов (помимо названных нами выше и не очень показательных для этой группы альбомов Даргомыжского и Щепкина) представлены в нашем собрании в первую очередь альбомом Прасковьи Арсеньевны Бартеневой (1811—1872), талантливой певицы, пользовавшейся большим успехом в Москве и Петербурге, куда она переехала в 1835 г. (ф. 244, оп. 1, № 923, 1832—1845 гг.).⁴⁰ Почти все записи здесь обращены к Бартеневой и касаются ее исполнительского дарования. Первые записи сделаны в Москве в 1832 г.; хронологически они начинаются стихотворением «Дует» («Два голоса, пленительно сливаясь...»), датированным 22 января и принадлежавшим Е. П. Ростопчиной, в ту пору еще «Dodo Souchkoff», как она подписалась под стихотворением, — одной из самых пылких и преданных ценительниц бартеневого голоса. 16 марта делает запись В. Соломирский (стихотворение «Соловка»), 24 марта — Вл. Горчаков, кишиневский знакомый Пушкина («Сравню ли вас...»). 5 октября в альбоме появляется пушкинская запись, и рядом с нею Бартенева вклеивает список только что написанного пушкинского стихотворения «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу», под которым стоит та же дата — «Москва, 5 октября». Следующими по времени оказываются стихи Льва Пушкина — они датированы «1834. Авг. 18. Москва» (л. 23):

³⁹ См.: Барсуков Н. П. Альбом автографов Н. Д. Иванчина-Писарева. — Старина и новизна, 1905, кн. 10, с. 470—540.

⁴⁰ См.: Лозинский Г. Романтический альбом П. А. Бартеневой. — В кн.: Временник Общества друзей русской книги, III. Париж, 1932, с. 93—106; Рукою Пушкина, с. 661—663.

Что напишу я в ваш альбом?
Убогим даром я владею:
Блистать мне не дано умом,
А чувство выразить не смею.

В Москве Бартеневой писал стихи и Н. Ф. Павлов, еще в 1831 г. посвятивший ей послание «Неправда, ты не соловей»; в альбоме есть автограф его и вклеен листок с печатным текстом (л. 66); на л. 74 — более поздний (1834) романс Павлова «Она безгрешных сновидений...», также автограф. Наконец, в Москве же сделана одна из самых поздних записей альбома — стихи А. Башилова «Когда-то мне она певала» (30 марта 1834; л. 70—71); по-видимому, там же записаны и обращенные к Бартеневой стихи В. Соллогуба «Regina», датированные «5 сент. Зыково» (л. 7). Петербургских автографов в альбоме меньше; среди них стихи Мятлева «Ах Бартенева-мамзель» (л. 29), И. И. Козлова «П. А. Бартеневой» (копия, подпись-автограф, л. 32) и записка Жуковского: «К несчастью, никак не можно мне будет попасть нынче на репетицию к графине Росси — и это весьма колет мою душу. Прошу вас не забыть сделать, чтоб меня позвали на концерт. Я надеюсь на вашу дружескую помощь. Жуковский» (л. 26). Один из рисунков Жуковского (12 мая 1836, Царское Село) наклеен Бартеневой на альбомный лист; среди других рисунков есть принадлежащий Г. Г. Гагарину.

Другой артистический альбом Пушкинского Дома принадлежал певице Софье Зыбиной, урожд. Алединской, в 1842 г. выступавшей в роли Вани в опере Глинки «Иван Сусанин»; сразу же после спектакля Глинка сделал в ее альбоме нотную запись. В этом альбоме (р. I, оп. 42, № 10, 1838—1860 гг.) имеются многочисленные шаржи на Глинку, нотные записи, рисунки и небольшое число литературных текстов (преимущественно копии пушкинских стихов — «Романс», «Слеза», «Зимний вечер»).

К профессиональным альбомам нашего собрания относится еще один альбом, заслуживающий особого рассмотрения. Это альбом А. Ф. Смирдина (1795—1857), известного книгопродавца, с именем которого связывался целый период русской словесности. Альбом сохранился, видимо, не полностью: он представляет собою отдельные листы, вложенные в папку (Отд. поступл., № 13947). Большинство датированных записей относится к 1826—1827 гг.; одна (басня В. С. Филимонова «Пятно и Звезда») имеет дату «1819», но это, конечно, дата написания, а не записи. Некоторые из недатированных записей (эпиграммы Б. М. Федорова на Сенковского) по содержанию нужно отнести к 1830-м годам.

Для 1820-х годов альбомы книгопродавцев — весьма редкое, если не исключительное явление. Уровень образованности книготорговца в это время еще чрезвычайно низок, что почти исключало возможность литературных контактов. Помимо Смирдина, мы знаем еще только одного книгопродавца, имевшего у себя

альбом с автографами крупных литераторов, — это И. В. Сленин, издатель «Полярной звезды» и «Северных цветов»; альбом его не сохранился, но нам известны адресованные Сленину альбомные стихи Пушкина («И. В. Сленину», 1828). Имена Смирдина и Сленина объединялись в 1820-е годы как имена просвещенных книгопродавцев; они объединены и в стихотворении А. Е. Измайлова «Матюшка-книгопродавец», вписанном в альбом Смирдина (с датой: 17 октября 1826). Это стихотворение в том виде, в каком дает его альбомный автограф, в печати неизвестно; оно публиковалось всегда как два отдельных, не связанных друг с другом текста: басня «Гордюшка-книгопродавец» и так называемое «послание к Смирдину». Наш автограф существен не только для изучения творческой истории, но, возможно, и для установления дефинитивного текста этого своеобразного послания-басни. Помимо него в альбоме Смирдина содержатся и другие небезыңтересные в историко-литературном отношении материалы, частью, по-видимому, не попавшие в печать; среди литераторов, оставивших свои записи, А. С. Норов («Альпы», из поэмы «Земля»), Е. В. Аладьин, Е. Ф. Фукс, В. М. Княжевич, граф Д. И. Хвостов, Б. М. Федоров («карикатурный романс» «Тредьяковский» и эпиграммы на Полевого и Сенковского),⁴¹ Ястребцев, В. И. Панаев, П. П. Свиньин, Г. Розенкамф, М. Боролевский, А. С. Шишков, В. С. Филимонов и Ф. Н. Слепушкин.

6

Большинство сохранившихся до нашего времени альбомов 1820—1830-х годов принадлежит, условно говоря, к массовой альбомной продукции, характеризующей средний культурный уровень дворянского общества. Типовые черты в них преобладают над индивидуальными, цитата и выписка — над оригинальным сочинением. В них складывается своего рода «альбомный фольклор» — переходящие от альбома к альбому стихотворные мадригалы, утерявшие авторскую принадлежность и видоизменяемые в меру версификаторских способностей пишущего.

Сочинять я не умею,
Одну строчку напишу,
Много требовать не смею,
Не забудь меня, прошу, —

⁴¹ См.: Измайлов А. Е. Соч., т. I. Изд. А. Смирдина. СПб., 1849, с. 173—177; Русская басня XVIII—XIX веков. Л., 1977 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 360—363, 592. «Послание А. Е. Измайлова к А. Ф. Смирдину», опубликованное в сборнике памяти Смирдина (Современники. Сборник литературных статей русских писателей. I. СПб., 1863, с. 339), является несомненно фрагментом описанного нами автографа. По автографам альбома Смирдина опубликованы и эпиграммы Б. Федорова (Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века. Т. I. 1800—1840. М.—Л., 1931, с. 254—255, 318; ср.: Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975 (Б-ка поэта, Большая серия), с. 352—353, 783),

такую стереотипную запись делает некая Александра Лагунова в альбоме «Пашетт» (Прасковья) Шипиловой (р. I, оп. 42, № 45, 1822—1842 гг.), и эти стихи в различных вариантах повторяются в других альбомах. Это — «женская» запись (впрочем, ею пользуются и мужчины); тип «мужской» записи, уже ставшей достоянием полуграмотных слоев провинциального дворянства, находим, например, в немецком альбоме 1811—1831 гг. (там же, № 30): «Если судьба непреведит меня быть твоим супругом, то сердечно прошу тебя остатца моим вечным другом» (запись Ивана Оноприенко, 1823 г.). Это как бы нижний ярус альбомной цитаты; на более высоких ступенях «альбомной фольклоризации» подвергаются известные стихи, печатавшиеся в столичных альманахах и журналах, — Баратынского, Жуковского. Вероятно, наибольшую популярность получает стихотворение А. А. Крылова «В альбом Н. Н. Б—ой», появившееся впервые в «Северных цветах на 1825 год»:

Скажи, альбом, в простых словах
 Твоей владетельнице милой,
 Что царствует она в сердцах
 И всех влечет волшебной силой;
 Что слишком счастливы был бы я,
 Хоть мне она давно знакома,
 Когда бы вспомнила меня
 Она без помощи альбома.

Эти стихи мы находим в альбомах постоянно и почти всегда без указания их автора, который, по-видимому, записывающим был неизвестен. Укажем для примера на альбом 1824—1857 гг. (р. I, оп. 42, № 56) со стихами и записями Софьи Борноволокной, П. Кологривова, П. Ахлебинина и др.; альбом Екатерины Владимировны Жуковской 1829—1838 гг. (Отд. поступл., № 14244) со стихами П. Кременецкого, рисунком Гамазова и др. (в этом альбоме есть и оригинальные стихи); наконец, на альбом Елизаветы Александровны Тучковой 1841—1845 гг. (р. I, оп. 42, № 51) с акварельными рисунками, выписками из Подолинского и др., нотной записью музыки Рупини к «Русской песне» Дельвига и записями И. Суботина, П. Кардова и некоего поэта, адресовавшего владелице стихи и даже целую стихотворную повесть «Русалка» (1845), подписанную «Прапорщик конной артиллерии». Все это альбомы, конечно, более высокого уровня, нежели, скажем, альбом Шипиловой; соответственно меняется в них и литературный уровень альбомных стереотипов. Добавим к ним еще альбом девицы А. Лукиной (Отд. поступл., № 9664, 1821—1837 гг.) с записями А. Пушкиной, В. Хованской, Н. и А. Львовых, Е. Лукиной, с многочисленными рисунками и переписанными популярными романсами («Я не скажу тебе „люблю“» и др.); в нем мы находим еще один альбомный мадригал (л. 17), небезынтересный по связанному с ним литературному эпизоду:

Три Грации досель считались в мире,
Но как родились вы, то стало их четыре.
Когда б вы жили в древни веки,
То верно б греки
Курили фимиам
Вместо Венеры... Вам!

Известен рассказ Е. А. Сушковой о том, как юный Лермонтов травестировал в своей альбомной записи первые две строки, написав вместо мадригала эпиграмму:

Три грации считались в древнем мире,
Родились вы... все три, а не четыре.

Сушкова предполагала, что эпиграмму эту Лермонтов мог откуда-то заимствовать. В дальнейшем эти подозрения укрепились. Было установлено, что тот же эпиграмматический текст вошел в анонимный фельетон «Первый блин да комом» в московской газете «Листок» (24 февраля 1831 г.) и что исходные строки заимствованы из стихотворения В. П. Петрова «К...» («Девуц избранный хор»). В настоящее время экспромт печатается в разделе «Приписываемое Лермонтову».⁴²

Материалы альбомов раскрывают перед нами другие этапы литературной истории этого текста. Нет сомнения, что между Лермонтовым и его источником стояла альбомная традиция, удержавшая два стиха из совершенно забытого к тому времени стихотворения Петрова; что та же традиция подсказывала естественный путь травестирования мадригальных строк и что Лермонтов, даже если он и «сочинил» эти стихи, воспользовался и материалом и приемами «альбомного фольклора». Что касается последнего четверостишия («Когда б вы жили в древни веки...»), то оно традиционно считается принадлежащим Рылеву и печатается в собраниях его сочинений по автографу из тетради 1817—1819 гг. под названием «В альбом девице N. N.». Нет сомнения, что мы имеем дело с аналогичным случаем: Рылеев не пустил в оборот свой юношеский традиционнейший мадригал, а, напротив, заимствовал его из того же «альбомного фольклора» и переписал в памятную тетрадь; и, может быть, это стихотворение не следует включать в основной корпус его сочинений как продукт оригинального творчества.

Это лишь один эпизод; фронтальное исследование альбомных стихов могло бы показать и иные пути проникновения популярных мотивов и тем в творчество крупных поэтов, постоянно сталкивавшихся с альбомами в своем повседневном быту.

Здесь мы можем лишь перечислить известные нам «массовые альбомы» собрания Пушкинского Дома 1820—1840-х годов. На-

⁴² См.: Лермонтов М. Ю. Соч. в 6-ти т., т. II. М.—Л., 1954, с. 247, 373; Нейман Б. В. К вопросу об источниках поэзии Лермонтова. — Журнал Министерства народного просвещения, 1917, № 3—4, с. 70—71 (3-я паг.).

более ранние из них: альбом из семьи Кокум (Отд. поступл., № 14248, 1821—1872 г.) с немецкими и русскими записями и рисунками акварелью и цветными карандашами; альбом кн. Щетининой, матери будущей жены П. А. Плетнева, с выписками порусски и по-французски из Жанлис, Мармонтеля, г-жи де Сталь, Шекспира, Расина, русских сентиментальных поэтов (В. И. Козлова и др.) (ф. 234, оп. 4, № 1, 1819—1824 г.); альбом Екатерины Павловны Данзас, урожд. Розенгейм (1808—1873), жены Б. К. Данзаса, брата секунданта Пушкина (ф. 91 (Б. К. Данзаса), № 22874); последний альбом, вероятно, перешел к Е. П. Данзас по наследству, так как содержит записи еще 1819—1820 г. — французские романы, русские стихи, подписанные Ф. Ермоловым, Ф. Голицыным, П. Голицыным, Софьей Васильчиковой. Два альбома принадлежат Софье Петровне Крюковской, дочери гр. П. К. Разумовского (р. I, оп. 42, № 15, б. д.; № 16, 1827—1828 г.); оба они не являются альбомами в точном смысле слова, так как заполнены только рукою владелицы. К ним примыкает альбом дочери С. П. Крюковской — А. Ф. Чекуановой (р. I, оп. 42, № 27, 1832 г.) с русскими и французскими стихами и карандашными рисунками. Портрет Чекуановой мы находим в альбоме с эклибрисом «Из библиотеки села Петровского рода Михалковых» (там же, № 79, 1842—1858 г.) — семейства, с которым она, по-видимому, была как-то связана. Альбом этот содержит довольно обширный иконографический материал о деятелях середины века: портрет Елизаветы Александровны Голицыной, рисованный ее внучкой М. П. Горсткиной, изображения (в группах) кн. В. Голицына, А. С. Траскина, В. П. Титова, П. П. Вяземского, Б. А. Перовского, В. Ф. Адлерберга и др. Укажем также на альбом из архива Перовских (там же, № 23, 1820—1844 г.), где среди французских и русских стихотворений мы находим вписанные рукою некоей Е. Нотбек псевдолермонтовские стихи «Кто знал любовь, со мной тот скажет» (запись 22 декабря 1844 г.); альбом неизвестного лица с акварельными рисунками и полупрофессиональными стихами (в их числе стихотворение П. Г. Сянова 1827 г.) (Отд. поступл., № 9663, 1827 г.); альбом Вильгельмины Сутгоф с записями родных и подруг (там же, № 4937, 1821—1829 г.); альбом с акварельным портретом кн. Пелагеи Лукьяновны Друцкой-Соколинской, возможно ей и принадлежавший (р. I, оп. 42, № 78, 1827—1859 г.), — в нем есть выписки на французском и немецком языках из Гофмана, Ж.-П. Рихтера, Мюссе, Ламартина, Сенанкура и даже Кьеркегора; альбом с записями Е. и А. Гороховых, выписками из А. Карра, Г. Гейне, Гюго; сюда вписаны и русские стихи, в том числе перевод Н. П. Грекова из Гейне (там же, № 7, 1835—1839 г.; записи, вероятно, делались и позже). Наконец, упомянем несколько институтских альбомов: анонимный альбом с рисунком П. Челищева «Воспоминание о Варне» (1832) и французскими стихами; под одной подписью (Ек. Воейковой) есть помета «Екатериинин-

ский институт» (там же, № 40, 1831—1835 гг.); альбом 1830—1831 гг. с записями А. Ланской, Н. Четвергинской, Н. Га-лаховой (Отд. поступл., № 13931); третий альбом, недатирован-ный, относится, видимо, также к 1820—1830-м годам (там же, № 13932). Прочие альбомы — более поздние и иногда еще менее значительные.⁴³

7

Пансионские альбомы — наиболее распространенный и наибо-лее типичный вид массового альбома. Несколько отличаются от них альбомы, вышедшие из мужских учебных заведений — аль-бомы лицейские, гимназические, университетские. В этих послед-них также нередко попадаются массовые альбомные стихи, но удельный вес их меньше; в еще меньшей степени они заполнены альбомной символикой — аллегорическими рисунками, акрости-хами, сувенирами типа засушенных цветов. Они более индивиду-альны и «серьезны». Наиболее ранние мужские ученические аль-бомы нашего собрания относятся к 1810-м годам; они вышли из среды Царскосельского лицея. Один из них принадлежал това-рищу Пушкина Ивану Васильевичу Малиновскому (1796—1873), сыну первого директора Лицея (ф. 244, оп. 4, № 167, 1812—1884 гг.). На первых же его страницах записаны подробные на-ставления юноше, — сказывается педагогическая ориентация в семье. Наставления и моральные правила пишут дед владельца альбома протоиерей А. А. Самборский, отец В. Ф. Малиновский,

⁴³ См., например, альбомы под шифрами: р. I, оп. 42, № 43, 1836—1842 гг.; р. I, оп. 42, № 46, 1833—1845 гг. (владелица — некая «Лиза», получившая альбом на 11-м году); р. I, оп. 42, № 50 (антология немецких стихов, каллиграфически переписанных); р. I, оп. 42, № 77; Отд. поступл., № 9662, 1840—1841 гг. (владелица — видимо, А. Н. Сулима, дочь сибир-ского генерал-губернатора); р. I, оп. 42, № 44, 1841—1847 гг. (французские записи, русские стихи); р. I, оп. 42, № 48, 1846—1858 гг. (записи гр. Павла Бобринского, Монтегю Скотта, Генри Джорджа Симмондса (Лондон, 1846), по-русски, по-французски и по-английски); р. I, оп. 42, № 82, 1846 г. (выписки из Лермонтова, Языкова, Козлова, Полежаева, Ростопчиной, Ога-рева, К. Павловой и более поздние из Курочкина, Фета, Никитина и др.); р. I, оп. 42, № 47, 1847—1856 гг.; р. I, оп. 42, № 38 (с копией стихотворе-ния Жуковского «Песнь русскому царю от его воинов»); р. I, оп. 42, № 37, 1827—1829 гг. (подписи Е. Толстой, О. Полторацкой, Н. Опочининой, по-меты «Варшава», «Неаполь»); ф. 66, № 594, 1840-е гг. (альбомы Софьи Андреевны Гагариной, урожд. Дашковой, жены кн. Г. Г. Гагарина, пол-ностью занятые выписками самой Гагариной из поэтических и прозаиче-ских произведений иностранных авторов; среди выписок пушкинские стихи «Отцы пустынноики и жены непорочны...»); р. I, оп. 42, № 90 (с рисун-ками акварелью и тушью, записями на французском и немецком языках и начатой записью «Смерти поэта» Лермонтова), и др. Несколько альбомов заняты исключительно рисунками (р. I, оп. 42, № 42, 1839—1841 гг.; № 41, 1833—1834 гг.; № 57, 1836 г.; № 80, середина XIX в. — из библиотеки Михалковых).

дядя П. Ф. Малиновский (1812); далее следуют записи брата, сестер — Натальи и Марии (в замужестве Вольховской, чей карандашный портрет вклеен на л. 23), более поздние записи лицейских товарищей и новых знакомых Малиновского — Ф. Стевена (1827), Доленги-Грабовского (1831). Малиновский сохранял в своем альбоме и памятные документы — письма, визитные карточки, портреты; некоторые из них (портреты М. И. Пущина, А. Е. Розена, письмо Е. П. Оболенского) не сохранились; из уцелевших отметим визитные карточки В. Д. Вольховского и Ф. М. Достоевского и фотографии Герцена и Огарева. Стихов в альбоме немного; среди них весьма популярные в альбомах «Дружба» («Скатившись с горной высоты...») и «Цветок» («Минутная краса полей...») В. А. Жуковского. На л. 52 рукою Л. С. Пушкина переписан «Сонет» Пушкина («Не множеством картин искусных мастеров...»); этот текст, который владелец альбома считал автографом самого Пушкина и свидетельством обращения поэта к христианским темам и мотивам, неоднократно привлекал к себе внимание исследователей.⁴⁴ На другом листе вклеен автограф Я. П. Полонского — стихотворение «Томит предчувствием болезненный покой...» (1884). Другой альбом из лицейского окружения Пушкина (ф. 244, оп. 1, № 422, 1811 г.) принадлежит Александру Михайловичу Горчакову (1798—1883) и содержит самый ранний из дошедших до нас автографов Пушкина — прозаическую запись 1811 г. В этом альбоме есть записи Дельвига, Кюхельбекера, Пущина, Корсакова, Вольховского, Корфа, Есакова, Мясоедова, Корнилова, Броглио, Комовского, И. Малиновского и др. (всего 21 запись). Некоторые лицеисты — Комовский, Илличевский — вписали стихи. Илличевский — присяжный поэт Лицея — написал:

Ах, естли некогда, средь славы и почтенья,
 Довольны будете вы щастьем и судьбой,
 Смиренно вас прошу, средь роскоши такой
 Уставов не забыть любви и снисхожденья.

Материалы этого альбома, за исключением записи Пушкина, были опубликованы лишь в последнее время.⁴⁵

Есть все основания думать, что общее число лицейских альбомов было значительно больше и что до нас дошла ничтожная их часть. Известно пушкинское стихотворение «В альбом Илличевскому» (1817); этот ныне утраченный альбом видел еще В. П. Га-

⁴⁴ См.: Баранов В. В. Сонет «Мадонна» в новой редакции. — В кн.: Пушкин. Сб. 1. Ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, с. 217—224; Пушкин. Полн. собр. соч., т. III, М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, с. 1210.

⁴⁵ См.: Рукою Пушкина, с. 627—628; Руденская М., Балашова-Руденская С. В лицейском альбоме. — Газ. «Вперед», 1977, 4 июня, № 67 (5520), с. 3 (цитация записей Пущина, Илличевского, Корсакова, Вольховского, Дельвига, Комовского). Сохранились также отдельные листы из более позднего альбома Малиновского с записями английских, французских и русских стихов (ф. 244, оп. 25, № 373).

евский. И. И. Пущин вспоминал, что накануне выпуска первого курса «наполнились альбомы стихами и прозой»; у него также был альбом, в который записали стихи Пушкин («В альбом Пущину», 1817), Дельвиг («Прочтя сии набросанные строки», 1817) и Илличевский.⁴⁶ По-видимому, в Лицее альбом рассматривался как своеобразный символический знак лицейского братства. Об этом же говорит нам и сохранившийся альбом директора Лицея в 1816—1822 гг. Егора Антоновича Энгельгардта (1775—1862) (ф. 244, оп. 1, № 1573, 1817—1823 гг.). Все записи в нем (числом 69) были опубликованы Д. Кобеко.⁴⁷ Они делались при выпуске. По типу записи разнообразны — от простой росписи до прозаического и даже стихотворного обращения воспитанников к директору. Наибольшее число записей оставили в альбоме Энгельгардта воспитанники первого, третьего и четвертого выпусков; далее Энгельгардт покинул Лицей. В числе других сделал запись и Пушкин; Илличевский, И. Малиновский, Н. Мертваго (четвертый курс) написали стихи.

Альбом Энгельгардта характерен: он наглядно отображает «лицейскую традицию», какой ее стремился видеть директор Лицея. В нашем собрании есть еще один альбом, принадлежащий той же традиции, но более поздней. Это — маленький альбом Якова Карловича Грота (1812—1893), лицеиста шестого выпуска, впоследствии известного историка литературы, неутомимого собирателя лицейских материалов (ф. 88 (архив Я. К. Грота), № 16094, 1824—1839 гг.). Большинство записей здесь сделано лицейскими товарищами Грота — П. Миллером, Реймерсом, Ховенном, лицейскими поэтами А. Мещерским и М. Д. Деларю; последний вписал в альбом «Прощальный сонет» (л. 27) по образцу «прощальных стихов» лицейстов первого (пушкинского) выпуска:

Прости, лицей! в последний раз
Здесь жаром сладких песнопений
Кипит, бурлит поэта гений:
Настал, настал разлуки час!
Друзья мои! уже для нас
Исчезла сладость тех мгновений,
Когда на шум соединений
Съывал нас дружбы нежный глас.

Прости, товарищ! путь далекой
Назначен мне. Уж у ворот
Меня ретивых тройка ждет;
Вздыхает грудь моя широко —
И я — листочек одинокой —
Лечу... куда судьба влечет.

Лицейские альбомы — конечно, явление исключительное, но лишь потому, что исключительным явлением был сам Лицей.

⁴⁶ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 67.

⁴⁷ Кобеко Д. Ф. Альбом директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. VII. СПб., 1908, с. 1—18.

Что же касается их типа, то в этом отношении они немногим отличались от прочих ученических альбомов. В собрании Пушкинского Дома есть альбом Виктора Павловича Гаевского (ф. 67 (архив Гаевского), № 18007, 1839 г.) с прощальными записями его однокашников по Ларинской гимназии — Д. Корсакова, М. М. Стасюлевича и др.; все они сделаны на протяжении нескольких дней, по-русски, по-немецки и по-французски, иногда в стихах. Этот тип альбома сохраняется и позже; с некоторыми видоизменениями традицию продолжают и студенческие альбомы.

Довольно характерным образом такого студенческого альбома является альбом Николая Ивановича Граве (1815—1844) (р. 1, оп. 42, № 8, 1839—1841 гг.). В него вложена позднейшая машинописная справка о владельце, составленная, по-видимому, во многом по семейным материалам и преданиям; в ней есть сведения о литературных знакомствах Граве, отсутствующие в других источниках. «Граве — сын полковника артиллерии, затем строительного отряда путей сообщения, дворянина Тамбовской губ. Елармского уезда» Ивана Семеновича Граве, участвовавшего в 1812 г. в сражениях при Бородине и Смоленске. В 1837 г. кончил курс СПб. университета со степенью кандидата и вскоре был назначен секретарем имп. Публичной б-ки. Будучи близок к кружку литераторов, увлекался поэзией и сам писал стихи. Тесно знаком был с Пушкиным, Гоголем и Панаевым. Близкие друзья его и однокашники по университету: К. Кестнер (автор Росс. положений законов о финансах). СПб., 1845), братья Платон и Петр Зубовы, фон Кранихфельд (Рудольф) и братья Юрий и Гавриил Дестунисы (Юрий — сотрудник Русской Беседы) 1850 г., Гавриил (1818—1859) — проф. греч. словесности Пб. университета) — в прилагаемой тетради оставили ему свои автографы. Н. И. Граве был холост и скончался 27 ноября 1844 г. от чахотки. Почти все эти имена товарищей Граве мы находим в его альбоме, заполнявшемся, видимо, на вечеринке прежних университетских друзей; здесь есть и стихи самого Граве «Прятели» (1841) с приглашением делать записи в альбоме. В пушкиниане имя Граве, впрочем, не упоминается, и «тесное» знакомство его с Пушкиным — конечно, семейная легенда.

Мужские массовые альбомы в 1830—1840-е годы, по-видимому, были распространены довольно широко, хотя и менее широко, нежели женские. Во всяком случае сохранились они в гораздо меньшем числе. Нам известны, например, альбомы товарищей Лермонтова — альбом Николая Семеновича Шеннича (Отд. поступл., № 4934, 1834 г.) с выписками Лермонтова из Лабрюера и Альфреда де Виньи (в настоящее время выделены из альбома в фонд Лермонтова — ф. 524, оп. 1, № 49) и записями родных и альбом Николая Ивановича Поливанова (ф. 524, оп. 1, № 41, 1832—1838 гг.), где также есть лермонтовский автограф — «Послушай, вспомни обо мне», с записью Поливанова об истории этого, обращенного к нему, стихотворения (л. 23). В альбоме По-

ливанова основная часть занята изобразительным материалом (рисунками, силуэтами, фотографиями); Поливанов сам был довольно одаренным художником; на других листах — записи, преимущественно родных и отчасти товарищей по военной службе (записи 1837—1838 гг., Стрельна); среди этих записей мы находим и стихи. Насколько можно судить по сохранившимся материалам, мужской массовый альбом в еще большей мере, чем женский, обнаруживал стремление к перерастанию в рукописный сборник: таков, например, альбом неизвестного лица с записями кн. Николая Багратиона (1835), В. Шпаковского (1835) и Н. Козлянинова (1838; запись сделана, по-видимому, перед отъездом владельца в Америку); этот альбом (ф. 244, оп. 8, № 61, 1825—1848 гг.), в основном заполнявшийся в середине 1830-х годов, почти весь состоит из переписанных популярных стихов Пушкина (отрывок из «Медного всадника», «Моя родословная» и др.), Рыльева («К Бестужеву»), Бенедиктова, Баратынского, Козлова, Ершова («Желание»), Вельтмана, Деларю («Красавице»), Шевырева, Хомякова и др. Любопытно здесь появление не только известных имен, но и единичных стихов малоизвестных поэтов, очевидно получивших признание в читательской среде: например, элегии Ф. Алексеева «К***» («Я избалован с детских дней») или В. Астафьева «Ее уж нет, моей весны» (строки этого стихотворения «Не спрашивай меня напрасно, Ты не узнаешь, кто она» перефразировал и юный Лермонтов в стихотворении «К другу», 1829).⁴⁸ Среди этих произведений одно имело судьбу совершенно исключительную — речь идет о переводе М. Д. Деларю из В. Гюго «Красавице», опубликованном в 1834 г. и навлекшем на автора преследования со стороны религиозных и светских властей. Эти стихи мы находим в нескольких альбомах; имя переводчика иногда не указывалось или зашифровывалось. Быть может, наиболее интересный контекст этому стихотворению дает альбом Николая Александровича Тухачевского (р. I, оп. 42, № 89, 1841—1847 гг.), вообще довольно богатый по содержанию: в нем наряду с выписками из Лермонтова («Бородино», «И скучно и грустно»), Пушкина («Я не люблю альбомов модных», «Если жизнь тебя обманет»), Некрасова (пародийный перепев «И скучно и грустно») есть и оригинальные русские стихи (кн. Грузинского, П. Николаева), и многочисленные рисунки (шаржи, портреты, в том числе Шамиля и Николая I, театральные сцены и проч.). На л. 27 записаны стихи Деларю с маскирующей шуточной подписью «Граф Хвостов»; на следующих листах П. Николаев, автор записи, свидетельствует, что «все с восторгом читают строки В. Гюго, где так сильно выражено его святотатственное

⁴⁸ Ср.; например, подобные же альбомы-сборники: р. I, оп. 42, № 39 (почти целиком занят выпиской из какой-то кавказской повести); ф. 643, № 15823 (альбом французских стихов из архива Аскоковского, б. д.); Отд. поступл., № 9657 (альбом Василия Жарина 1834 г. со стихами Ф. Глинки, Пушкина, Кольцова, Баратынского, кн. Д. Кропоткина и др.).

вдохновение». Запись датирована 26 апреля 1846 г., — итак, перевод Деларю «с восторгом» читался уже 12 лет. Вслед за этим свидетельством Николаев выписывает свои собственные стихи «Зачем», где, по собственному признанию, стремился выразить то же настроение:

Зачем я не демон, кровавой звездою
Повсюду б всегда над тобою я был
И страшным пожаром, кипящей смолою
Я б в сердце тебе свою страсть перелил.
Я б сердце пронзил тебе острою страстью,
Молилась бы ты не иконе святой,
Тебя бы заставил я адскою властью
С молитвой во прахе стоять предо мной.
Ты б веру и бога со мной позабыла,
Ты б с миром рассталась, меня лишь любя,
Ты б имя мое, как молитву, твердила,
И страстью своею я сжег бы тебя.

Этот отрывок из длинного стихотворения в духе «бенедиктовской школы» наглядно показывает, в чем русские подражатели усматривали привлекательность стихотворения Деларю. Напомним в этой связи, что Деларю приписывалось и близкое по типу весьма популярное стихотворение «Mon Dieu», ходившее в списках также под именем Рыльева и Лермонтова.⁴⁹

8

Уже по беглому обзору, представленному выше, видно, что «массовый альбом» — понятие в высшей степени условное, за которым скрываются далеко не однородные явления. Правда, он сохраняет устойчивые типовые черты и ту степень «непрофессиональности», «домашности», которой обычно не имеют светский и салонный альбом и альбом литератора. Он широко открывает свои страницы для «альбомного фольклора» и для неизвестных имен доморощенных поэтов, но в этих пределах он дифференцируется и иногда довольно резко. Дифференцирующим признаком становится культурный уровень среды, из которой он вышел, и здесь диапазон расширяется очень значительно — между двумя «массовыми альбомами» может быть такая же разница, как между семейством степного помещика и семейно-литературным кружком Петербурга и Москвы.

Альбомы этих «культурных гнезд» нас и будут теперь интересовать. Они продолжали существовать и в столице, даже тогда, когда центры литературной жизни переместились из «кружка» в «салон», и позднее, когда профессионализация захватила широкие литературные круги. «Кружку» предстояло возродиться

⁴⁹ См.: Андроников И. Заколдованное стихотворение. — В кн.: Андроников И. Избр. прозв. в 2-х т., т. 1. М., 1975, с. 288—310.

вновь в Москве, вокруг Станкевича, Белинского и Герцена, но эти поздние кружки уже носили не столько «бытовой», сколько литературно-идеологический характер и почти не документированы альбомами. Впрочем, и их жизнь отражалась иногда косвенно на альбомных страницах, заполнявшихся в «культурных гнездах», которые составляли их периферийную среду.

За пределами Петербурга едва ли не наибольшим числом альбомов представлено семейство и ближайшее окружение Праксоды Александровны Осиповой-Вульф (1781—1859), помещицы села Тригорское Псковской губернии, соседки и близкого друга Пушкина. На «альбомчики» А. М. Вындомского, отца П. А. Осиповой, и самой Осиповой обратил специальное внимание Б. Л. Модзалевский.⁵⁰ Альбом Вындомского собственно не альбом, а сборник выписок из поэтов конца XVIII в.; «альбомчик» же П. А. Осиповой (ф. 304 (архив с. Тригорское), № 22961, 1810—1815 гг.) — альбом в точном смысле слова, со стихами самого Вындомского, графа Карла Верри делла Бозиа (1813 г., по-немецки), списками французских стихов Сегюра, Августа Лафонтена и др. Существует и второй альбом Осиповой (ф. 244, оп. 4, № 240, 1814—1848 гг.), почти весь заполненный ее рукой; на л. 71 переписано пушкинское стихотворение «Простите, верные дубравы» с датой: «Писано августа 17-го 1817 года». Два альбома принадлежат дочери П. А. Осиповой — Анне Николаевне Вульф (1799—1857), приятельнице Пушкина. Один из них (Отд. поступл., № 13927, 1829 г.) занят копиями английских, французских и русских стихов — Лагарпа, Делиля, Колардо, А. Арно, Т. Мура, Жуковского («Дружба», «Жизнь»), Вяземского, П. А. Межакова и др. Сюда писали подруги Анны Вульф — Ек. Ладыженская, Н. и А. Хвостовы, О. Пальчикова, а также родные. Другой ее альбом (ф. 244, оп. 1, № 211, 1826—1835 гг.) содержит автографы известных поэтов, в том числе и Пушкина. Здесь меняется репертуар имен: наряду с французскими элегиками (Ламартином и др.) появляется Беранже и на особое место выдвигается Томас Мур; «Ирландские мелодии» Мура переписываются в подлиннике, а рядом помещаются русские переводы — М. Вронченко, Вяземского. Как и прежде, стихи Жуковского продолжают привлекать хозяйку альбома, но с его стихами соседствуют стихи И. И. Козлова, Рылеева (отрывок из «Палея»), Ростопчиной. Рукой, по-видимому, Л. С. Пушкина вписана «Птичка» Ф. А. Туманского. На л. 3—3 об. находим автограф Дельвига, связанного дружескими отношениями со всем семейством: он записывает сюда свои стихи «В судьбу я верю с ранних лет» (20 января 1826). На л. 20 Пушкин записывает строки

⁵⁰ Модзалевский Б. Л. Поездка в село Тригорское в 1902 г. (Отчет Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук). Приложение X. Альбомчики А. М. Вындомского и П. А. Осиповой. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. I. СПб., 1906, с. 154—158.

из «Романса» Дельвига («Не говори: любовь пройдет...»); вторая его запись (л. 59) — несколько строк из «Онегина» и английская цитата из Кольриджа — сделана во время последнего посещения Пушкиным Тригорского 2 октября 1835 г.

Несколько особняком от этих семейных альбомов стоит альбом Алексея Николаевича Вульфа (1805—1881), близкого друга Пушкина и Языкова (ф. 244, оп. 1, № 1761, 1824—1832 гг.). Это альбом студенческий; большинство записей в нем (немецкие стихи) принадлежит товарищам Вульфа по Дерптскому университету. П. А. Осипова переписывает для сына пушкинские стихи — «Цветы последние милей...»; 2 августа 1832 г. в Варшаве Лев Пушкин делает свою запись: «Дай попьем, попьем — да поборимся...».

Ближайшим образом с семейством Осиповых-Вульф была связана Анна Петровна Керн, урожд. Полторацкая (1800—1879). Ценнейший альбом Керн, где находились экспромты Пушкина, до нас не дошел. Мы располагаем только остатками более позднего ее альбома (ф. 244, оп. 8, № 41, 1834—1860 гг.), с карандашными рисунками и копиями стихов Пушкина («Его стихов пленительная сладость», строфы из «Онегина», «Я помню чудное мгновенье» с названием «K***» и датой: «Михайловское, 1825, XIX июля»), Лермонтова («Последнее новоселье», рукой Керн), Подолинского, Н. П. Грекова, Н. А. Степанова, Росточкиной. На л. 18 об. вписано и наполовину выскоблено стихотворение М. Д. Деларю «Красавице» (перевод из Гюго), ставшее предметом преследования (дата записи — апрель 1837 г.). Впрочем, в этом альбоме встречаются стихи куда более острые: под датой «1860-го года нояб.ря» 11-го дня» (л. 13 об.) занесена сатирическая эпитафия на смерть имп. Александры Федоровны (напечатанная в иной редакции в «Полярной звезде» Герцена):

Умерла императрица! — Ну так что же? — Ничего!
Потеряла много Ницца, а Россия — ничего!

Рукою О. С. Павлицевой в этот альбом были вписаны французские стихи, в том числе стихотворение С. Л. Пушкина; П. А. Валуев сделал обширную выписку из В. Гюго; некий Меч из Лубен адресовал стихи А. П. Керн. Любопытна одна запись — каллиграфически вырисованный персидский текст. Пояснительное примечание поздних владельцев гласит: «Писана Титовым, служившим в М-ве иностранных дел. Ода персидская с соловьем и розою».

Своего рода продолжением этого альбома является альбом дочери А. П. Керн, Екатерины Ермолаевны, в замужестве Шокальской (1818—1904), бывшей предметом увлечения М. И. Глинки. Нотные автографы Глинки («Где наша роза...» и др.) придают этому альбому особую ценность (Отд. поступл., № 9666, 1835—1849 гг.). Альбом был подарен владелице матерью в 1835 г.; на

первом листе — ее запись; есть записи М. И. и Е. И. Осиповых (Тригорское, 1840). В альбоме преобладают ноты; из стихов русских поэтов, переписанных обычно рукою Е. Е. Керн, назовем стихи Пушкина, Лермонтова, Бенедиктова, Кольцова, Жуковского, Кукольника, Огарева, Жадовской.

В этих альбомах интересующие нас прежде всего деятели культуры предстают перед нами в своих семейно-бытовых связях, как это было, скажем, в альбоме Измайловой или Даргомыжских. Разница в том, что сами владельцы принадлежат, условно говоря, к культурной периферии: вокруг них нет кружка или салона; они — родственники или знакомые литераторов или артистов, как например Прасковья Петровна Мятлева, урожд. Балк-Полева, жена известного поэта. В ее альбоме находится несколько французских стихотворений Мятлева, ей посвященных, и его же «Послание к жене. Село Порецкое 22 апреля 1826» (ф. 196, № 91, 1824—1827 гг.). В альбоме рисунков, нот и стихов, принадлежавшем гр. Софье Константиновне Перовской, урожд. Булгаковой (дочери К. Я. Булгакова, жене гр. Б. А. Перовского), под стихотворением Дельвига «Не говори: любовь пройдет...» имеется примечание, как будто свидетельствующее о личном знакомстве: «Б. Дельвига — покойник, дай бог ему царство небесное» (р. I, оп. 42, № 22, 1838 г., л. 47). Такие записи расширяют наши представления о бытовой среде иной раз очень крупных поэтов; укажем, например, на альбом Варвары Сергеевны Оболенской (1814—1882) (ф. 524, оп. 1, № 55, 1830-е—1855 г.) с записями С. Лопухиной, списками стихов Лермонтова («Молитва», «Избави бог от летних мушек...») и несколькими строками из его «Думы», записанными рукою самого поэта.⁵¹

К концу 1840-х годов относится альбом некоей «Hélène» на английском, немецком и французском языках, с автографами подруг, видимо, по какому-то закрытому учебному заведению. В этот альбом (р. I, оп. 42, № 12, 1848 г.) вписал «отрывки из вполне почти оконченной поэмы» «Гвая-Ллир» Г. П. Данилевский (л. 38—38 об.); на следующих листах находятся его рисунок и беловые автографы стихотворений «Наши крылья» (10 сентября 1848) и «Мадонне».⁵²

Из московской литературной среды вышел ранний альбом Марии Васильевны Беклешовой, урожд. Сушковой (1792—1863), тетки Е. П. Ростопчиной, начатый еще до замужества, в Симбирске (1813). Среди симбирских записей — стихи известного масона и вольнодумца кн. М. П. Баратаева («Два ручья», перевод из Леонара, с датой: «1816. Августа 23 дня. Симбирск»). С 1816 г. начинаются московские записи — послания некоего Петра

⁵¹ См.: Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки, с. 438—444.

⁵² В альбом вложен лист из иллюстрированного приложения к газете «Русь» от 15 мая 1905 г., где воспроизведен рисунок Данилевского из этого альбома.

Голубкова, обращенные к хозяйке, копии стихов Жуковского, Вяземского, Воейкова, В. Л. Пушкина, Батюшкова, И. И. Козлова, Ф. Ф. Иванова. Этот интересный альбом содержит автографы многочисленной родни и знакомых Беклеповой: Н. В. и П. В. Сушковых (последний адресовал хозяйке свои стихи «Последний бред», 1817), А. В. Сушкова, П. В. Сушковой, Н. С. Беклепова и др. Николай Сушков, довольно известный поэт 1820-х годов, заполняет альбом сестры своими стихами: это «Элегия на кончину В. Резановой» (л. 27), шуточные куплеты «Прости-прощай» (л. 39 об. — 40), «Посещение», «Послание в день моего рождения с братом» и др. На страницах альбома есть след его своеобразного поэтического соствязания с Вяземским: рядом с текстом французского романса помещены популярные стихи Вяземского, переведшего его на русский язык («Как обман, как упоенье»), и перевод того же романса самим Сушковым. В этот альбом пишет и младшее поколение: Елизавета Александровна Сушкова, в замужестве Ладыженская, и известная в биографии Лермонтова Екатерина Александровна Сушкова (она переписывает стихи Ростопчиной, своей двоюродной сестры). 23 февраля 1824 г. сюда вписывает французское стихотворение Е. П. Сушкова — будущая поэтесса Е. П. Ростопчина; над ним, еще детским почерком, брат ее Сергей Сушков пишет: «Люблю тетку Машу». Литературные связи семейства документируются автографами А. П. Степанова, автора «Постоялого двора» (стихотворение «Греч злодей меня убил»), А. Родзянки («Песня» — «Средь лесов, куда веки...») и А. Ф. Мерзлякова («Воспоминание», «Песня» — «Кому страдать, крушиться...») (Отд. поступл., № 9661, 1813—1825 и 1830-е гг.).

К сожалению, не полностью дошел до нас другой московский альбом, интересный не столько стихами (отметим лишь отрывок из стихотворения А. Н. Муравьева о видении патриарха Григория, сколько серией рисунков, изображающих представителей московского общества, в числе которых и Пушкин (р. I, оп. 42, № 9, 1830-е гг.). На л. 2 сохранилось первоначальное оглавление, где поименованы «П. И. Сабуров, извест<ный> в общес<тве> под названием Тарас Скотинин», княжна А. К. Багратион, А. М. и В. В. Львовы, А. В. Пашков, «А. С. Пушкин поэт», М. И. Пашкова, Н. П. Завалевский, Е. А. Римская-Корсакова и др. Сохранилось лишь несколько изображений из этого списка: Д. Н. Левшин, А. Н. Загоскин, «брат авто<ра> „Юрия Милославского“» (на том же листе зачеркнутый вариант: «Левшин и Загоскин, автор карикатур»), С. А. Римский-Корсаков, Софья Александровна Римская-Корсакова, урожд. Грибоедова, А. В. Пашков, «Г-жа Киндякова, замужем за Лобановым-Ростов<ским>, разведена и вышла за А. И. Пашкова» (л. 21). Еще меньшая часть (8 листов) осталась от альбома Ел. Н. Ушаковой, приятельницы Пушкина, весьма примечательной представительницы московского семейства Ушаковых, где постоянно бывали литераторы (ф. 244, оп. 1, № 910, 1829 г.); на сохранившихся листах — автографы Пушкина («Вы

избалованы природой», 1829), Вяземского, Н. Д. Иванчина-Писарева, П. И. Шаликова, А. А. Башилова и др.

Один альбом вышел из семьи Чичериных; он был подарен Пушкинскому Дому Г. В. Чичериным в 1928 г. (р. I, оп. 42, № 53, 1831—1854 гг.). Этот альбом реликвий лишь отчасти характеризует культурный быт семейства, сыгравшего видную роль в русской литературной и общественной жизни. В нем упоминаются имена родных и знакомых владелицы: С. М. Хвоцинской, А. П. и Е. П. Раевских, «Паши Хилковой», гр. Бобринской, М. Хлюстиной. На л. 11 приколоты трава «с могилы незабвенного доброго друга Михайлы Федоровича Орлова, умершего 19-го марта 1842 года, похороненного в Девичьем монастыре». В альбоме — списки стихов Пушкина (эпиграмма на А. Н. Муравьева, «Слеза», «Прощание» (при выпуске его из Лицея)), в том числе стихов, ходивших в списках, как эпиграмма «На Стурдзу», и псевдопушкинских («К Жуковскому» («Из савана облекся ты в ливрею...»)) — эпиграмма, принадлежавшая Бестужеву; «Эпитафия попу»); стихов И. И. Козлова, Лермонтова, Н. Станкевича; эпиграмма Соболевского на Вигеля. Большинство записей делалось самой владелицей альбома — выписки из Массильона, Шатобриана, Ж. Санд; из чужих записей — стихи некоей Анны Наумовой, помеченные 1831 г.

Выше нам уже приходилось упоминать об альбомах семейства Бакуниных. Помимо альбома В. А. Бакуниной в семейном архиве сохранились и два альбома ее дочери — Любви Александровны (1811—1838). Один из них заполнен лишь в незначительной части: несколько французских стихотворений, несколько рисунков, запись сестры Вареньки. Этот альбом принадлежал девятилетней девочке (ф. 16, оп. 6, № 56, 1820—1822 гг.). Второй альбом, более поздний (там же, № 57, 1828—1836 гг.), содержит выписки из И. И. Козлова (в том числе полностью переписанную поэму «Наталья Борисовна Долгорукая»), Жуковского, Языкова, А. Готовцевой, Шевырева, Веневитинова, отрывки из «Мироздания» В. И. Соколовского. Выбор имен характерен: он отражает увлечение философской поэзией, свойственное младшему поколению Бакуниных. Здесь есть немецкие и французские стихи и прозаические фрагменты — А. Арно, Байрона, Шатобриана, г-жи де Сталь; среди автографов запись В. А. Соллогуба и стихи И. Вульфа, в том числе посвященные хозяйке альбома («Любви Александровне Бакуниной», 1836). Листы 82 об.—122 заняты пушкинскими текстами: это стихи, переписанные для Л. А. Бакуниной В. Г. Белинским.⁵³ Третий альбом из архива Бакуниных, принадлежавший Наталии Семеновне Бакуниной (жене А. П. Бакунина, урожд. Корсаковой), состоит только из рисунков — видов Премухина и изображений членов семьи (ф. 16, оп. 6, № 64).

⁵³ См.: Григорьян К. Н. Стихотворения Пушкина, переписанные Белинским в альбом Л. А. Бакуниной. — В кн.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949, с. 242—246.

К концу 1830-х — началу 1840-х годов относится еще один весьма любопытный семейный альбом из фонда Колзаковых — семейства, связанного, между прочим, с Осиповыми-Вульфами (р. I, оп. 42, № 71, 1838—1848 гг., поздняя запись 1873 г.). Среди вклеенных репродукций, карандашных и акварельных рисунков, записей семейных знакомых (Клеопатры Раевской и др.) мы находим в нем и стихи московских поэтов — А. Головина и С. И. Стромилова; последнему принадлежат «Песня» («Веет ветер одинокий...», 1837), «Отрывок из приуготовливающейся оперы „Аммалат-Бек“» (1838). На одном из листов сделал запись кто-то из Салтыковых (стихи «Твою я просьбу выполнить готов...», запись 16 февраля 1838 г. в Москве).

Один альбом из собрания Пушкинского Дома вышел из казанского культурного гнезда. Это альбом Салтыковой (из архива кн. Н. С. Голицына) с вклеенными рисунками (карандаш, акварель, перо), с французскими и английскими стихами, адресованными «Madame Soltikoff» и подписанными «de Bouryenne» и «J. W. Williamson»; последнему автору принадлежит и рисунок. Записи датированы маем—июнем 1814 г. и носят помету «Казань» (ф. 80, № 551, 1814 г.). Это наводит на мысль, что владельцем альбома была Елизавета Францевна Салтыкова, урожд. Ришар, мать С. М. Салтыковой, ставшей потом женой Дельвига. Муж ее, известный «природный» член «Арзамаса» М. А. Салтыков, был в эти годы попечителем Казанского учебного округа. Здесь, в Казани, Е. Ф. Салтыкова и умерла в ноябре 1814 г. В альбоме есть и свидетельство «арзамасских» интересов владельцев — список сатиры Батюшкова «Видение на берегах Леты».

Перечисленными альбомами, по-видимому, исчерпывается или почти исчерпывается альбомный материал 1820—1840-х годов, и мы можем подвести некоторые итоги.

1830-е и 1840-е годы были эпохой наивысшего расцвета альбомов. Именно в эти годы альбомы сосредоточивают в себе наибольшее количество автографов крупных деятелей культуры — дворянской культуры, вышедшей за пределы отдельных кружков и утвердившей себя в качестве необходимого условия социального быта. Связи с носителями этой культуры становятся моментом престижа, их автографы — общепризнанной ценностью. Эти общественные настроения определяют и эволюцию альбомов, и их типологию. Рост профессионализации в разных сферах искусства и литературы также сказывается на этой типологии, в известной мере он предопределяет дифференциацию альбомов по функции и наполнению. Вместе с тем альбомы в целом, будучи явлением «массовой культуры», меняют свою форму медленно; даже содержание их далеко не во всех социальных слоях мгновенно реагирует на изменения общественного вкуса. Устойчивые, консервативные элементы здесь настолько сильны, что «альбом-

ный фольклор» столетней давности дожил почти до наших дней. Да и сами альбомы еще не окончательно ушли в прошлое, хотя со второй половины века поток их идет на спад. Маленькое дилетантское стихотворение в описанном нами альбоме Тучковой (р. I, оп. 42, № 51) довольно выразительно рисует нам смену общественных настроений. Оно адресовано хозяйке альбома (л. 87):

Ваш альбом 41-го года,
Где любовью лист каждый дрожит,
Нынче в ящике верхнем комода
Позабитый спокойно лежит.
Да! Прошла на альбомы уж мода,
Время быстро вперед уж бежит,
И альбом 41-го года
Позабитый в комоде лежит!

Племянник А. Г. Тучков.

1-го апреля 1871 г.

Н. М. Языков в 1846 г. жаловался на исчезновение альбомов в прозаическое и пошлое время. «Альбом, в котором заключаются стихи Пушкина, — есть драгоценность, и он же должен быть сохранен как памятник того золотого времени, когда у русских девиц были альбомы»,⁵⁴ — писал он Вульффу. Но ламентации эти, хотя в чем-то и справедливые, были все же преждевременны. Альбом не умер, он видоизменился, и ему предстояло пережить еще один кратковременный период оживления, о чем пойдет речь уже в последующей части нашего обзора.

⁵⁴ Русская старина, 1903, № 3, с. 495.

II. ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ АЛЬБОМНОЙ ЛИРИКИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ 1790—1830-х ГОДОВ

Публикация В. Э. Вацуро

Предлагаемая публикация является органическим продолжением обзора литературных альбомов, помещенного в настоящем выпуске «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома». Из числа текстов, содержащихся в альбомах, для нее отобраны те, которые представляют интерес либо по своему содержанию, либо по имени автора. С другой стороны, нам хотелось предложить читателю в первую очередь образцы именно альбомной поэзии, которая, не будучи особым жанром, все же имела определенные особенности, зависевшие от ее назначения и литературного бытования, — особенности, которые мы отчасти попытались определить в самом тексте обзора. Как правило, это «легкая поэзия» мадригального типа, с характерным галантным острословием, иногда получавшим совершенно конкретный смысл, понятный до конца лишь адресату и его ближайшему окружению. Такие стихи широко печатались в журналах и авторских сборниках XVIII—начала XIX в. Князь П. И. Шаликов, например, постоянно обращавшийся в собственном творчестве к подобного рода поэзии, издал большинство стихов своего альбома (упомянутого нами) в сборнике «Последняя жертва музам» (М., 1822). Уже к концу 1820-х годов публикации слишком «домашних» стихов рассматриваются как архаичные и даже не вполне уместные. Еще позднее В. А. Соллогуб, отбирая для печати «тридцать четыре стихотворения», предпослал им извинительное стихотворное предисловие, обращенное к читателю (см.: Соч. графа В. А. Соллогуба, т. 4. СПб., 1856, с. 543—599). В самих же альбомах продолжает сохраняться жанровый отбор: сюда вписываются романсы, дружеские послания, мадригалы. Вместе с тем диапазон альбомной лирики расширяется даже в этих ограниченных пределах: не теряя связи с традицией «легкой поэзии», она иной раз наполняется теперь вполне «серьезным» содержанием — литературным и даже общественным (см. публикуемые ниже стихи В. И. Туманского, В. Г. Бенедиктова и др.).

Помимо лирики, альбомы сохранили нам и образцы литературно-полемических сочинений самого разнообразного типа. В предлагаемой публи-

кации представлен один из довольно редких жанров — шуточная автобиография. Наконец, мы включили в публикацию и такие материалы, которые не являются в строгом смысле «альбомными» и сохранились в альбомах как автографы.

Большинство авторов, представленных ниже, изучены мало и не имеют сколько-нибудь разработанной библиографии сочинений. Во избежание вторичной публикации текстов были просмотрены авторские сборники и собрания сочинений (если они имеются), персональные библиографии, роспись альманахов (Смирнов-Сокольский и Н. Русские литературные альманахи и сборники. М., 1965), а также картотеки Б. Л. Модзалевского и С. А. Венгерова, регистрирующие журнальные публикации. Нет сомнения, однако, что большое число текстов по сие время остается затерянным на страницах периодических изданий, и не исключено, что среди них со временем отыщутся первые публикации некоторых текстов, печатаемых здесь по автографам и авторитетным альбомным копиям.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

МАДРИГАЛ НА МАСКАРАД 2 ЧИСЛА ОКТЯБРЯ 1793 ГОДУ,
В КОТОРОМ НЕКОЛЬКО ПОЛЬСКИХ ДАМ
ЯВИЛИСЬ ОДЕТЫМИ В ВИДЕ АМУРОВ

Герои росски побеждали
И света потрясли предел;
Враги Амуров образ взяли,
Наполнили колчаны стрел,
Вступили в град Екатерины,
Поранили сердца орлины —
И днесь под сенью крыл ея
Враги ликуют и друзья.

Альбом А. Н. Гасвицкой. — Р. I, оп. 42, № 5, л. 1.

Автограф был прислан П. А. Гасвицкому, приятелю Державина, познакомившемуся с ним в конце 1760-х годов (Державин Г. Р. Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. 2-е акад. изд. Т. 6. СПб., 1876, с. 439). Гасвицкий был почитателем таланта Державина и постоянно получал от него при письмах стихи (там же, т. 5 и 6, по указателю; Изв. АН СССР, Отд-ние обществ. наук, 1931, № 1, с. 78). Публикуемый мадригал написан непосредственно после второго раздела Польши (1793). Упоминаемый маскарад — по-видимому, одно из празднеств, связанных с бракосочетанием великого князя, будущего императора Александра I, 28 сентября 1793 г. (см.: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. 1. СПб., 1897, с. 86).

А. В. АРГАМАКОВ

К МОСКВЕ

Позлащенными главами
Досягая горних стран,
Удовольствия дарами
Утешай своих граждан.

Щедрую усыпь рукою
Путь их множеством отрад,
Но среди торжеств, покою
Обрати ко мне свой взгляд —
Я прощаюсь с тобою,
О Москва, любезный град!
Мне тебя оставить должно —
Против воли то моей!
Я оставлю, — но как можно
Возвращусь к тебе скорей.
Возвращусь, опять увижу
Те прелестные места,
К ручке милой где приближу
Страстные мои уста,
Где увижу живость взоров,
Где ее услышу глас,
Где среди сладких разговоров
Свет луны застанет нас,
Где еще. . . я восхищаюсь,
Вображая оный час!
Ах! но может быть прощаюсь
Я с Москвой в последний раз,
Может быть, отсель далеко
Я умру в чужой стране,
Где, зарыв мой труп глубоко,
Все забудут обо мне;
Где никто своей слезою
Не омочит хладный прах,
Где лишь ворон надо мною
Прокричит — нагонит страх.

Я с тобой, Москва, прощаюсь,
Неизвестности злой полн,
Мыслью в будущем теряюсь,
То страшусь, то утешаюсь,
Так, как самый малый челн
Среди седых кипящих волн.
Птички горько расстаются
С милым гнездышком своим,
Полетят — вокруг все вьются
И садятся все над ним;
Полетят — и с грустью злою
Обращают взор назад —
Горько так и я с тобою
Расстаюсь, милый град.

Аргамаков Александр Васильевич (1776—1833) — поэт, племянник Д. И. Фонвизина, полковник лейб-гвардии Преображенского полка (1809); в 1812 г. командир 1-го егерского полка Московского ополчения. Друг С. Н. Марина, Д. В. Давыдова и др. См. о нем: Давыдов Д. Полн. собр. стихотворений. Л., 1933 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 227 (примеч. В. Н. Орлова); Марин С. Н. Полн. собр. соч. Критико-биограф. очерк, с... ред. и коммент. Н. Арнольд. М., 1948 (по указателю).

МАЛЬЧИК С РОЗОЙ

Пук соломы разостлавши,
Я у речки отдыхал,
Где, любовных мук не зная,
И утех любви не знал.
Невзначай увидел диво —
Прыгал мальчик вокруг меня,
Он стучал кремнем в огниво,
Искры сыпались с кремня.
Вдруг тут искра отделилась,
Ветер дул ее ко мне.
Искра в сердце заронилась —
Чувства стали все в огне.
Я тогда рвался, терзался,
Мальчику отомстить грозил,
Я лил слезы — он смеялся,
Прыгал — и кремень хвалил.
Подожел — и розу нежную
Мне с насмешкой показал.
«Успокоить кровь мятежну
Может роза», — он сказал.
«Может роза» — с этим словом
Быстрой молнией исчез.
Я для чувств в восторге новом
Мнил, что душу он унес.
Круглый год прошел иль боле,
Как покой я потерял.
Много роз я видел в поле,
Милой розы не сыскал.
Свет и жизнь возненавидел,
Но вчерась в сей злой тоске
Встретя Хлою, я увидел
С розой мальчика в руке.
Мальчик с Хлоей резвился,
Вкруг ее порхал красы;
В розовы уста садился,
То взвевал ее власы,
То с очей, в ручонках малых,
Лук с стрелою натягал;

То со щечек нежных, алых,
В ямки спрятавшись, стрелял.
То на грудь ее спускался,
Вдруг лилейну грудь открыл,
Видел розы — замешался,
Из рук розу упустил —
Я в восторге утопаю:
Мальчик розу простерег. . .
Я нашел — я умираю —
Мальчик! мальчик! ты мой бог!

Альбом М. А. Струговщиковой. — Р. I, оп. 42, № 91. Подпись: «Александр Аргамаков», но иным почерком, нежели предшествующая запись. Не датировано; относится, по-видимому, к 1808—началу 1810-х гг.

П. А. НИКОЛЬСКИЙ
〈Е. И. ИЗМАЙЛОВОЙ〉

Позволь альбом твой осквернить
Моими гадкими стихами!
Меня ты можешь извинить,
Когда нескладными словами
Тебя я стану величать;
Скажу, что добрая ты мать,
Что ты прекрасная супруга,
Что ты найдешь во всяком друга,
Что ты. . . Не знаю, что приплесть!
Хотел бы многое прибавить,
Но должен я стихи оставить:
Теперь спешу я к Гречу — есть!
Боюсь, чтоб там мне не сказали:
«Как поздно вы пришли! мы ждали!»

Вас Греч избавил от стихов!
Спасибо, что теперь суббота!
Писать стихи во мне охота:
Я совершенный стал Хлыстов!¹
Готов вас заморить стихами!
О! я уверен, что вы сами
Сказали б о Никольском так:
«Он как Хлыстов!» . . . то есть дурак.

Альбом Е. И. Измайловой. — Отд. поступл., № 4229, л. 5 об. Автограф без подписи. Датирован 15 марта 1815 г. (суббота), так как следует непосредственно за французской записью жены Никольского Анны под этой датой.

Никольский Павел Александрович (1791—1816) — журналист, поэт и переводчик. См. о нем: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930. с. 286—289; 754.

¹ «Хлыстов» — граф Д. И. Хвостов (1756—1835), графоманские наклонности которого были обычной мишенью для сатириков.

А. Г. РОДЗЯНКА

Альбом красавицам есть список послужной,
Где всякий смелою рукой
Свое суждение об них писать несется;
Листы сии раскрыв, я в них нашел, что ты
Любезна и добра и ангел красоты,
Так что мне ничего сказать не остается,
Так что иль рад или не рад,
Но с Лизой вымолвить я должен: виноват,
Напомнить милу дочь, развлечь тебя стараться,
В ней предугадывать ума и чувства жар,
Как в розе двух недель твой видеть полный дар,
Им пользоваться знать и издали пленяться!

23 мая 1823-го год(а).

С. Ярославец.

РОМАНС

Не расточай умильных взоров!
Невинных ласк не расточай!
Волшебной силой разговоров
Огня любви не раздувай!

Холодности и страсти сменой
Не мучь неопытной души,
Измены видом принужденной
Больного сердца не круши!

Не сетуй, не вздыхай притворно,
Сквозь слез не говори «прощай!»
И долгом дочери покорной
Поддельных чувств не украшай.

Увы! люблю тебя невольно!
Люблю! зачем? ответа нет!
Вообрази ж сама, как больно
Мне обвинять любви предмет!

Но как двуличности не видеть?
И хитрости не примечать?
И как привыкнуть ненавидеть
То, что привык я обожать?

Не нежной будь, но справедливой!
Миг жалости мне удели!

Подай забвенья дар счастливый —
Или безумие пошли.

14-го июня 1823 года.
Ярославец.

Альбом В. Н. Кочубей. — Отд. поступл., № 14314, л. 3—4.

Родзянка Аркадий Гаврилович (1793—1846) — поэт, участник петербургских журналов и альманахов 1820-х годов; был связан с «Зеленой лампой» и молодым Пушкиным. С 1822 г. жил в своем имении Родзянки Хорольского уезда Полтавской губернии; поддерживал связь с Туманскими и Кочубеями, в имении которых Ярославец нередко гостил. Из альбомных стихов Родзянки этого периода известно несколько стихотворений, посвященных С. Г. и Ю. Г. Туманским (Письма Василия Ивановича Туманского и неизданные его стихотворения. Чернигов, 1891, с. 136—138).

В. И. ТУМАНСКИЙ

В. Н. КОЧУБЕЙ

В сей книге дружеских имен,
В сей книге чувств и лести сладкой
Пускай я буду хоть украдкой
К тебе на память помещен.

Пускай мечтания поэта
Прималят в легкокрылый час
Твое вниманье хоть на раз,
Как мелочи и куклы света.

Увы! прошла пора стихов!
Утратил счастье род Гомера,
И смертных пламенная вера
Угасла к языку богов.

Угасла сила душ, послушных
Гармонии высоких дум,
И огрубел беспечный ум
В оковах обществ равнодушных.

Уже не тот одряхший мир;
Простое чувство в нем не внятно:
Вы скрылися — и невозвратно —
Дни рыцарства, певцов и лир.

Те дни, как, друг покойной славы,
Любовь венчала нас в тиши,
И каждый звук живой души
Был вестник счастья и забавы,

Как руки милых ждали нас
И первый огонь очей небесных,
И поцелуи уст прелестных,
И больше, может быть, подчас! . .

Мы всё — о горе! — утерjali!
От ласок и наград красы
Мгновенно шпоры и усы
Ленивцев мирных отогнали.

И что ж? Гонимые Судьбой,
Мы не вполне еще несчастны!
Еще поэта дар прекрасный
Умеем постигать душой!

Свободно правду обожая,
Умеем правду говорить
И мысли добрые хранить,
Грустя, тоскуя и страдая!

1822. Март.
Ярославец.

Альбом В. Н. Кочубей. — Отд. поступл., № 14314, л. 100—100 об. Автограф с подписью «В.» (обычная анаграмма Туманского).

Туманский Василий Иванович (1800—1860) — поэт, один из наиболее значительных элегиков 1820-х годов, связанный с декабристскими кругами и пушкинским окружением. С Кочубеями Туманский был в дальнем родстве; Варвару Николаевну Кочубей он упоминает в письмах как «кузину», у которой бывал в имении Ярославец (Т у м а н с к и й В. И. Стихотворения и письма. СПб., 1912, с. 231, 386).

П. И. КОЛОШИН

Не кручинься, доброй молодец,
Не тумань слезой очей своих,
Не всегда под небом гром гремит,
Не всегда на сердце грусть лежит;
Просияет красно солнушко,
Расцветут и доли златные,
Просияет и душа твоя,
Расцветет и сердце томно<е>,
Будет время, будут радости,
Будет время, все забудется;
Ты оставишь скалы дикие
И леса непроходимые.
Возвратишься ты <в> любезной край,
В край любезной, милу родину,
Ты увидишь благотворной дуб,
Под чьей тенью ты покоился,

Ты увидишь тот зеленой луг,
 На котором ты забавился.
 Всякой кустику, всякая травка
 Напомнит тебе старое,
 Время старое, любезное,
 Миг беспечного младенчества.
 Ты вздохнешь и в тихой радости,
 Доброй юноша, признаешься,
 Что без горести и без бедствий
 Мы не знаем цены щаст<и>я.

Альбом В. А. Бакуниной. — Ф. 16, оп. 6, л. 152 об.—153. Копия, с подписью «М. Муравьев», с его же пометой: «сочинение Петра Колошина» — и датой: 20 февраля 1813 г. Публикуется с исправлением очевидных ошибок, особо не оговариваемых.

Колошин Петр Иванович (1794—1849) — поэт, участник преддекабристской «Священной артели» (с И. Г. Бурцовым, братьями Муравьевыми и др.). Запись сделана Михаилом Николаевичем Муравьевым (Виленским), с которым Колошин был знаком домашним образом с 1810—1811 гг. (см.: Калантырская И. С. П. И. Колошин и «Священная артель». — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 249—250). М. Н. Муравьев был двоюродным братом (по матери) владелицы альбома и был близок со всей семьей Бакуниных (см.: Корпилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, с. 12). Стихотворение является самым ранним из дошедших до нас произведений Колошина (см.: Вейс А. Ю. Петр Колошин — автор послания «К артельным друзьям». — Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 541—554; Автобиографическая записка Петра Колошина. — В кн.: Пушкин и его время, вып. 1. Л., 1962, с. 290—295).

Б. М. ФЕДОРОВ

ТРЕДЬЯКОВСКИЙ

Карикатурный романс

Вздев кафтан заморский,
 Пуговики из страз,
 Шел Тредьяковский
 Людям напоказ.

В парике нарядном,
 Пукли в шесть рядов!
 В виде презрительном,
 С кипую стихов!

Шел он с перемежкой,
 Пряжки отряхал,
 С важною усмешкой
 Мерно выступал.

Ношей утомился,
 Не легка была!

Градом пот катился
 С мудрого чела.

Шум вдруг раздается,
 Тащится берлин,
 Шестерней везется
 Феба славный сын!

Пешеход с тревоги
 Ношу уронил;
 То — сатирик строгий,
 Сумароков был!

Крикнул громким гласом:
 «Стой, Кирилыч, стой!
 Ездишь ли с Пегасом
 Ты, приятель мой?»

Общих нам соседок,
Тешишь ли ты Муз?
Нет ли новых деток?
Это что за груз?»

«Трагедия новая
Вот еще моя,
К печати — готова
Деи-да-ми-я».

«Что за небыллица?» —
«Нет, прошу простить;
В ней герой — девица!
Ахиллес — как быть».

«Полно? так не в шутку
Волков говорил,
Что Ахилла в юбку
Ты перерядил!»

«Вымысл смехотворен!
А спросить весь мир,
В том не я виновен —
Роллень да Омир».

— «Феб тебе помога!
На Парнас бреди».
— «Вам вперед дорога,
Я напоследи».

Альбом А. Ф. Смирдина. — Отд. поступл., № 13947, л. 11—12 об.

Федоров Борис Михайлович (1798—1875) — плодовитый поэт 1820-х годов, примыкавший к кругу А. Е. Измайлова, автор стихотворных памфлетов, направленных против Дельвига, Баратынского и повой романтической поэзии (см. о нем: Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., 1972, с. 199—201). Как и другие записи в альбоме Смирдина, «карикатурный романс» «Тредьяковский» написан, вероятно, в середине 1830-х годов. В его основе лежит, по-видимому, какой-то устный анекдот о Сумарокове и Тредиаковском; такого рода анекдоты были распространены еще в первой четверти XIX в. и иногда попадали в печать. Федоров близко общался с литераторами старшего поколения (А. С. Шишковым, Н. М. Карамзиным, Д. И. Хвостовым, Г. Р. Державиным), заставшими либо самих изображаемых поэтов, либо еще живую устную традицию. Некоторые реалии «романса» косвенно подтверждаются дошедшими до нас источниками: сюжет «Деидами», основанный на мифе об Ахиллесе, скрывавшемся на острове Скиросе под видом женщины, был крайне необычен, что признавал и сам Тредиаковский в предпоследнем трагедии «Перечневом описании»; еще в XVIII в. этот сюжет был предметом насмешек и пародий (см.: Степанов в В. П. Тредиаковский и Екатерина II. — В кн.: Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976, с. 89—93). Трагедию свою Тредиаковский посвятил Сумарокову; она была известна по слухам, так как печатное издание появилось только в 1775 г., после смерти Тредиаковского.

Н. И. ГРЕЧ

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ. 1821.

34. *Николай Иванович Греч*, родившийся в С. Петербурге августа 3 1789 года, печатается ныне в собственной своей типографии, число страниц его — без числа.^a С эпиграфом: Могучему пороку брань — бессильному презренье!¹

(Сие творение, написанное беглым, следовательно не всегда правильным, слогом, было ругано в «Кабинете Аспазии», в «Вестнике Европы», в «Духе журналов», в «Журнале древней и новой

^a Подписка на оное принимается во всех книжных лавках. (Примеч. Н. И. Греча).

словесности», в кругах и вечеринках грамотных, полуграмотных и безграмотных писателей и, наконец, в «Сыне отечества».² Оно представлено и на театре в комедии «Наказанная ханжа», сочиненной знаменитым Б. М. Федоровым: при сем случае должно предать бессмертию то обстоятельство, что при первом представлении сей пьесы один знаменитый³ лирик собственноручно разрисовал рожу знаменитому лицедею Величкину и был награжден за то *райским* рукоплексанием).

На соседней странице, рукой графа Д. И. Хвостова:

Любопытно знать, кто этот знаменитый лирик. Я не знаменит, но писал в роде лирическом довольно и был на представлении «Ханжи», но рожу Величкину не марал. Кому гнусная и коварная эта клевета на знаменитого пришла в голову? Жаль, что эта нелепость находится в альбоме почтенного, доброго и любезного Петра Ивановича Кепина *так!*. Граф Хвостов.

Октября 10-е 1821 года. СПб.

Ниже, рукою Н. И. Греча:

Собственное признание есть лучшее свидетельство всего света. Военский устав Петра I.

Ниже, рукою П. И. Кеппена:

Граф Дмитрий Иванович Хвостов скончался 22 окт<ября> 1835 года. См. «Северной Пчелы», 1835, № 241 и «St. Peterburgische Zeitung», 1835, № 244.

Альбом П. И. Кеппена. — Отд. поступл., № 10102, л. 40, 39 об. Альбомная запись в форме «библиографической рецензии» практиковалась Н. И. Гречем и в других случаях (ср. его запись 1818 г. в альбоме С. Д. Пономаревой: Дризен Н. В. Литературный салон 20-х годов. — Ежемесячные литературные приложения к «Ниве», 1894, № 5, с. 5).

¹ Эпиграф — из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского.

² Запись носит подчеркнуто полемический характер. Греч задевает своих литературных противников: графа Д. И. Хвостова (вступившего с ним в прямой спор на страницах того же альбома), Б. М. Федорова, издателя журнала «Кабинет Аспазии» (1815) и автора комедии «Наказанная ханжа» (поставлена в Петербурге 29 декабря 1816 г. (Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861, с. 250) с участием М. В. Величкина (1783—1848) и вышла отдельным изданием в 1817 г.), М. Т. Каченовского, издателя «Вестника Европы», В. Н. Олина, издававшего в 1819 г. «Журнал древней и новой словесности», Г. М. Яценко, издателя «Духа журналов» (1815—1821), и, наконец, своего сотрудника по «Сыну отечества» А. Ф. Воейкова, отношения с которым к 1821 г. у него были сильно испорчены.

³ Словечко «знаменитый» пародирует ссылку Воейкова на своих «знаменитых друзей» — Жуковского, Вяземского и др. (Сын отечества, 1821, № 13, с. 277). В литературной полемике 1820-х годов оно приобрело иронически-нарицательный смысл.

Прости-прощай, сестра и братья!¹
Ваш брат собрался далеко!
Падите все в мои объятия!
Расстаться с вами нелегко!
Но долг велит — покорен року!
Мне не дается больше сроку —
Лечу за счастьем в новый край!
Прости-прощай!

Прости-прощай театры, балы,
Веселость холостых бесед,
Гулянья, брани и журналы,
И глазки миленьких минет,
И молодежи все проказы,
И строгих матушек наказы,
И хитрость жен — супругов лай!
Прости-прощай!

Прости-прощай и лень, и воля,
И стихотворство... слава — дым!
Худа моих комедий доля —
И я — за солью еду в Крым.
Тогда водвили, может статься,
Здесь будут чаще представляться —
И зашумит партер и рай!..
Прости-прощай!

Прости-прощай! но вот обида!
Уж лучше прямо вам сказать:
Не даст мне соли и Таврида:
Мне не велели *добывать*,
А посадили *у продажи*,
Затем, что не боятся кражи:
Прочти стихи — и по<н>имай.
Прости-прощай!

Альбом М. В. Беклешовой. — Отд. поступл. № 9661, л. 39 об.—40.

Сушков Николай Васильевич (1796—1871) — поэт, прозаик, драматург, печатавшийся в 1810—1820-е годы в большинстве столичных журналов («Сын отечества», «Благонамеренный», «Вестник Европы», «Соревнователь» и др.), автор комедий «Теньер» (1815, с участием П. А. Корсакова), «Метромания» (1819, перевод из Пирона), «лирической трагедии» «Сафо» (1823) и др., дядя поэтессы Е. П. Ростопчиной. О нем см.: Щербальский П. Литератор старого времени. — Русский вестник, 1871, № 11, с. 295—320. В 1850-е годы получили известность изданные Сушковым сборники «Раут» (1851—1854) и его мемуары «Обоз к потомству с книгами и рукописями» (1854), вызвавшие поток эпиграмм. Шуточные куплеты «Прости-прощай» написаны им в 1822 г., накануне отъезда в Крым на должность советника

соляного отделения Гаврической казенной экспедиции (отсюда каламбур, организующий все стихотворение: «соль» как предмет служебного попечения и комедийная «соль»).

¹ Сестра и братья, которым адресованы публикуемые стихи, — Мария Васильевна Беклешова, Александр и Петр Васильевичи Сушковы.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

КОСТЫЛЬ

Костыль — Вам дар небес: любите Ваш костыль!
Он был для Вас судьбы полезною указкой,
И в школе жизни он Вам указал на *быль*,
Когда вам жизнь была одной *волшебной сказкой*.
Про жизнь слышали Вы сквозь сон, издалека.
Воздушных областей царица молодая,
Вы были неземной и, над землей порхая,
Скользили по цветам на крыльях ветерка.
Но грозный час пробил. На землю ненароком
Неопытной ногой ступили Вы, и вдруг
На долю Вашу пал удел земной: недуг,
И первый этот шаг был первым Вам уроком.
Но малодушно ли Вам сетовать о том,
Когда он Вас привел к обетованной цели
И к тайнам жизни Вам он светлым был путем,
И тайны эти Вы душой уразумели
В страдальческие дни години роковой,
И все, что некогда в Вас скрытно расцветало,
Прекрасной жатвою созрело под грозой?
Так, скорбь есть таинство и мудрости начало.
(Продолжение впрёдъ).

Альбом З. И. Юсуповой. — Ф. 524, оп. 1, № 50, л. 25. Датируется 1836 г.

О реальных событиях, послуживших основой этого стихотворения, как и стихотворения И. П. Мятлева «Княгиня костылек» (см. ниже), рассказывает в своих воспоминаниях М. Ф. Каменская, описывая бал у Юсуповых осенью 1836 г.: «Хозяйка дома, красавица Зинаида Ивановна Юсупова, совсем не танцевала на своем бале, потому что в начале зимы этого года, катаясь с кем-то с ледяной горы, сильно зашибла себе ногу, прихрамывала и, не опираясь на костыль, даже ходить не могла. Помню, что на бале у нее в руке был костыль какой-то дедовский, старозаветный, черного дерева, до половины палки и по всей рукоятке сплошь усыпанный крупными бриллиантами. В одном уж этом костыле было что-то сказочное, волшебное. Должно быть, к нему же княгиня подобрала и весь свой наряд: платье на ней было не легкое, не бальное, а тяжелого голубого штофа; на голове у нее около лба горела одна только большая бриллиантовая звезда, в заднюю прическу волос были как-то впутаны два газовые шарфа: один голубой с серебряными звездами, а другой белый с золотыми, и оба они упа-

дали до самого пола. Удивительно хороша была она в этом наряде!» (Каменская М. Ф. Воспоминания. — Исторический вестник, 1894, № 10, с. 50).

И. П. МЯТЛЕВ

КНЯГИНИН КОСТЫЛЕК

Помните ли, бедную
Как я ветку пел,¹
Как я бесталанную
Веточку жалел,

Как и ветка думала
Навсегда тужить,
Без родного дерева
Не хотела жить.

Что же? Мою веточку
Рыбаки спасли,
К токарю искусному
Ветку отнесли,

Костылек из веточки
Токарь выточил,
Барыне красавице
Костылек вручил.

В радость превратилась
Ветки грусть моей,
Даже участь прежняя
Позабыта ей.

На веточке сиживал
Прежде мотылек!
Не бабочку... Душеньку²
Носит костылек.

Прежде птичка певчая
Сядет иногда!
Ныне *птица райская*
С костыльком всегда.

Хоть весной зеленый лист
Ветку украшал,
Но, как друг при горести,
В осень отпадал.

А на костыльке теперь
Роза круглый год, —
И какая славная
Красота красот.

Костылек понюхайте —
Что за запах в нем!
Розу — птичку — Душеньку
Тотчас узнаем.

С ним меняться участью
Я бы сам просил —
С какой бы я радостью
Барыне служил,

Как бы ею красился,
Как бы замечтал,
И сейчас бы с барыней
Провальсировал.

Альбом З. И. Юсуповой. — Ф. 524, оп. 1, № 50, л. 94—95. Перед текстом и после него — рисунок Мятлева, схематически изображающий «костылек» (см. вышеприведенное стихотворение П. А. Вяземского «Костыль»).

¹ Имеется в виду стихотворение «Плавающая ветка» (в более поздней редакции «Ветка»), см.: Мятлев И. П. 1) Собр. стихотворений. СПб., 1835, с. 60; 2) Собр. стихотворений. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. JL., 1969, с. 58.

² «Душенька» — намек на героиню одноименной поэмы (1783) И. Ф. Богдановича.

В. И. ПАНАЕВ

<А. А. АЛЬБРЕХТ>

Я поклонник красоты,
Я поэт бывалый;
Все цветешь, Алина, ты,
Как цветочек алый.

Кстати было бы мне тут
В стансах разразиться
И на несколько минут
Сладко позабыться;

Да лих нет — пора не та,
Рифма ускользает;

Ах, увы! и красота
Уж не так пленяет.

Пусть другой поэт, не я,
Юный, гениальный
Убаюкает тебя
Песней мадригальной.

Хоть и больно мне оно,
Горе — край из краев —
Но осталось лишь одно —
Подписать: Панаев.

28 декабря 1853.

Альбом А. А. Альбрехт-Углицкой. — Отд. поступл., № 10047, л. 4.

В. А. СОЛЛОГУВ

REGINA

Там, где немец горделиво
Курит трубку, пенит пиво,
А вечернею порой
Занят кегельной игрой,
Где румяная Шарлотта,
Не теряя лишних слов,
Тонкой данью бутерброта
Привлекает женихов,
Где наука продается
За дешевую цену,
А под вечер песнь поется
К Изабеллину окну,
Где студенты молодые,
Разгульные, удалые,
В шуме дружеских бесед,
Сохранили золотые
Заблужденья юных лет,
Там я жил четыре года,
Там я весело певал;
Там была моя свобода,

Там светил мой идеал;
Но не век немецкой жизни
Предаваться было мне —
И опять я на отчизне,
На родимой стороне.
К вам в Москву, моя Regina,
В православные края,
Своевольная судьбина
Перебросила меня.
Так промчались с мечтами
Невозвратные года,
Так с душевными друзьями
Я простился навсегда.
И грустится мне порою
По прекрасной старине,
И убийственной тоскою
Поделиться не с кем мне.
В вас одной нашел отраду
В безотчетной грусти час.
И к каретному я ряду,

К Остермановскому саду
Еду с тем, чтоб слышать вас.
Там сестра моя Полина
В уголке своем живет.
Там в угоду мне Regina

Звонко, звучно запоет.
Запоет и околдует,
Горе вытеснит мое.
Сердце, душу очарует
И дополнит бытие.

5 сент <ября>.
Зыково.

Альбом П. А. Бартеневой. — Ф. 244, оп. 1, № 923, л. 7.
Regina — королева (*лат.*). Стихотворение обращено к П. А. Бартеневой.
Написано, вероятно, в 1834 г., после окончания Соллогубом Дерптского
университета, о котором идет речь в стихотворении.

РОЗА

В чертогах роскошных, красой величавой
Сияешь ты, роза! Любуясь тобой,
Довольны, как счастьем, и горды, как славой,
Мы твоей красотой.

[Зачем же, скажи, ты головку склонила? . .
Тебе все прекрасное в мире дано!
Надменных соперниц ты всех победила,
А тебе все равно.

Быть может, жалеешь о лучшей ты доле,
О преждебывалой свободе твоей,
О воздухе чистом, о чудном том поле,
Где поет соловей.

Марта 1838.

Альбом З. И. Юсуповой. — Ф. 524, оп. 1, № 50, л. 96.

<А. А. АЛЬБРЕХТ>

Скажите правду, неужели
Вам уж давно не надоели
Сентиментальные стихи
И все рифмованные бредни,
Длинней монашеской обедни,
Скучней Демьяновой ухи.

Сюда и лучшие поэты
Свои неловкие куплеты
И дань присяжного ума

Вписали с робкими сердцами.
Но как вас потчевать стихами,
Когда вы знаете ведь сами,
Что вы — Поэзия сама!

22 июня 1847.

В саду, в беседке в собственном
доме ее превосходительства.

Альбом А. А. Альбрехт-Углицкой. — Отд. поступл., № 10047, л. 13.

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

МОЛИТВА

Творец! Ниспосли мне беды и лишения,
Пусть будет мне горе и спутник, и друг!
Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья,
Глубокий, прекрасный, священный недуг!

Я чувствую, боже: мне тяжело здоровье;
С ним жизни моей мне невидима цель.
Да будет же в мире мне грусть — изголовье,
Страдание — пища, терпенье — постель!

Земная надежда, как призрак, исчезни!
Пусть мрачно иду я тропой бытия!
Но в сладких припадках небесной болезни
Да свидет мне в душу отрада моя!

Когда же, отозван небес произволом,
Меня он покинет — желанный недуг,
И дар мой исчезнет, и стройным глаголом
Не будет увенчан мой тщетный досуг, —

Дозволь мне, о небо, — упавшему духом,
Лишенному силы струнами владеть, —
На звуки склоняясь внимательным слухом,
Волшебные песни душой разуметь!

С земли воздымаясь до горнего мира,
Пророческий голос отрадой мне будь!
До сердца коснется знакомая лира —
Увлажатся очи и двинется грудь!

Альбом Е. Н. Шаховой. — Отд. поступл., № 3570, л. 18—18 об.

В этом же альбоме имеется и другое стихотворение Бенедиктова —
«Елизавете Никитичне Шаховой» (л. 19—19 об.), опубликованное под на-

званием «В альбом Е. Н. Ш — вой» (Лит. прибавления к «Русскому инвалиду», 1839, № 2, с. 33). Поэтическая деятельность Шаховой развивалась под влиянием Бенедиктова; личное общение поэтов началось, вероятно, в 1838 г., после выхода в свет первого сборника стихов пятнадцатилетней поэтессы (1837). Оба стихотворения должны датироваться 1838 или началом 1839 г. Ответное послание к Бенедиктову Шахова напечатала в «Библиотеке для чтения» (1839, т. 32, с. 63—65). Публикуемое стихотворение в известной степени предвосхищает последующую поэтическую полемику между Бенедиктовым и Шаховой о поэзии и религии. В 1845 г. Шахова удалилась в Спасо-Бородинский монастырь и подвергла резкому осуждению «мирские» стихи своего прежнего учителя. Бенедиктов откликнулся посланием «К инокине», где корректно, но решительно защищал искусство от посягательств догматической церкви. Шахова возразила обширным посланием («Возражение»). См.: Бенедиктов В. Г. 1) Стихотворения. Л., 1939, с. 316, 317—318 (коммент. Л. Я. Гинзбург); 2) Соч., т. 2. Изд. 2-е, посмертное. СПб., 1902, с. 224—226; Собр. соч. в стихах Елисаветы Шаховой. СПб., 1911, с. 113—116.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1977 ГОД

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979